

Ядерная держава

Антон Боровицкий

Содержание

Часть I	1
Глава 1 — Пакет	3
Глава 2 — Дорога на юг	9
Глава 3 — Хоуп	21
Глава 4 — Дым над заливом	31

Часть I

Глава 1 — Пакет

— За мной. Не отставай. Быстрее, Эрик!

Эрик бежал, отчаянно лоя ртом воздух. В боку колело, сердце колотилось. Чужая рука сжимала маленькую ладошку так, что было больно. Большая, крепкая, надёжная рука.

— Быстрее!

Куда уж быстрее. Он едва успевал перебирать ногами. Казалось, сейчас упадёт.

Камни. Песок. Что-то колело в ботинке. Эрик не знал. Не понимал. Он вообще ничего не понимал, с того самого момента, как его разбудили. Папа? Где он? Да вот же, впереди, тащит за руку. Или это не он?

Хотелось остановиться. Заплакать. Попроситься на ручки. Но его тянули вперёд, прочь от горы, в долину, где набухало лиловым предрассветное небо.

— Ещё быстрее! Ещё!

Взрыв. Землю тряхнуло так, что Эрик упал и проехался по камням голыми коленками. Его рванули вверх. Потащили, что-то крича. И люди. Откуда вокруг столько людей? Они бегут вместе с ними. А тот, кто тащит Эрика, что-то командует, отрывисто и хрипло.

На мгновение рука выскользнула из чужой ладони. Эрик перевёл дух. Обернулся. И застыл, открыв рот.

Гора была теперь далеко. Гораздо дальше, чем за мгновение до этого. Над ней, ломая и вздыбливая камень, расплзлось пепельно-сизое облако в форме гриба. Налетел ветер — горячий, сухой. Швырнул в лицо песком и каменной крошкой. Эрик зажмурился. Закрылся от ветра локтем. А гриб всё разрастался. И тряслась, словно в невыразимой муке, земля.

Эрик хотел закричать. Открыл было рот, но из горла вырвался лишь сдавленный писк. Было жутко. Страшно. Где папа? Гриб уже поглотил собой весь мир. И Эрика поглотил, и ничего там не было, только громко что-то стучало. Сердце? Падающие с неба камни? Но почему так громко?

Почему?

Стук повторился: ещё громче и настойчивее. Распахнув глаза, Пустоброд схватил с тумбочки револьвер и в одних трусах слетел с кровати. Прислушался, взвёл машинально курок. Щелчок. Барабан провернулся.

Стучали в дверь. Не стучали даже — колотили. Так что дребезжали в разохшихся рамах стёкла, а сама дверь была готова вот-вот сорваться с петель.

Грабители так не стучат. Так ломаются лишь те, кто имеет на это право. Особенно те, кому ты должен. Особенно когда пришла пора возвращать должок.

— Кто? — Спросонья прозвучало глухо и сипло.

— Марти. От Гуннара. Откроешь?

Пустоброд вздохнул. Накинул цепочку на щеколду, приоткрыл — совсем чуть-чуть. Проныра Марти стоял на пороге, привычно пожёвывая спичку. Выцветшие глаза смотрели хитро и нагло. Ноги в щегольских штиблетах слегка пританцовывали от влажного океанского холода.

— Чего ломишься? — хмуро спросил Пустоброд. — Попозже нельзя? Ночь на дворе.

— Нельзя, — хмыкнул Проныра. — Гуннар сказал — есть разговор. Прямо сейчас. Смекаешь?

Если Гуннар вызывает на разговор, то пойдёшь и среди ночи. Побежишь. Даже если у тебя нет с ним никаких дел. А у Пустоброда дела были. Дела и делишки. Потому что кушать хочется всем. Будь ты хоть трижды стрей.

— Жди здесь, — буркнул Пустоброд.

Марти построил обиженную физиономию:

— Как, ты даже не пригла...

Пустоброд захлопнул дверь у него перед носом. Проньру он не любил. И никому не верил. Даже Гуннару.

Особенно Гуннару!

Он постоял, прислушиваясь к звукам за дверью. Похоже, Марти пришёл один. Но это ещё ничего не значит.

Одеться. Быстро. Армейские, оливкового цвета штаны, такая же рубашка со стёршейся биркой. Затем португез. Нож. Кобура с револьвером. Кольт, сорок пятый калибр. Надёжная машинка. Что тогда, на Диком Западе, что сейчас. Потому что разницы больше нет.

Её давно уже нет.

Он проверил барабан револьвера. Сунул оружие в кобуру. Повязал на шею шарф — длинный, песочного цвета. Хорошая защита от холодов. И от песка, если идти южнее. Ещё можно намотать на лицо, чтобы не узнали. Впрочем, здесь, в Бей-Сити, узнают всё равно. Он примелькался. Давно уже примелькался.

Вроде всё. Остаётся лишь плащ. Тяжёлый, длинный, до середины голени. Цвет — что-то между болотным и коричневым. Грубая ткань. Отпортившаяся, но бережно подлатанная кусками старого одеяла подкладка. Внизу, на правой поле — подпалина от костра. Ещё тогда, когда уходил на север. Чем дальше на север, тем лучше.

Пустоброд надел плащ. Повёл плечами — плащ сел привычно, как вторая кожа. Сколько он в нём прошёл? Сколько ночей спал, завернувшись? Пятнадцать лет? Кажется, да. Хотя плащ был и до этого. Плащ был подарком.

Он вышел на улицу и закрыл за собой дверь. Комната была чужой. И дом чужим. Купленным по случаю у местного забулдыги, но чужим. И хотя Пустоброд прожил здесь пару лет, родным это место так и не стало. У него вообще не было родных мест. Лишь те, где удобно. Безопасно. Где можно отсидеться. Перед тем, как идти дальше.

А в том, что придётся идти, Пустоброд не сомневался. Он чувствовал это, шестым чувством, словно старый уличный пёс. И сейчас, когда шёл за Марти по сонному Бей-Сити. И до этого, когда Гуннар послал его в Портленд кое за чем.

Плевать. Он всё равно засиделся, а это плохо для стрей. Домой он не вернётся. Ключ выбросит. А всё самое важное несёт на себе. Хотя нет, не всё. Самое главное лежало в другом месте. Два квартала отсюда, за сгоревшей прачечной. Тайник под грудой битого кирпича. В нём — сумка. Которую лучше не хранить дома.

Узкие улочки. Бельевые верёвки. Разбросанные тут и там хибары, построенные из чего придётся. Хибары спят. Лишь кое-где горят окошки ранних пташек. Надеющихся, что бог подаст им даже в этом безумном мире.

Подаст ли? Сомнительно. Пустоброду не подавал, всё приходилось выцарапывать. Рассчитывать на других — глупо. Надеяться на доброту вселенной — тем более. Вселенная не добра. Ей просто нет никакого дела.

Они шли переулками. Марти вёл в обход — мимо задворков, через проходные дворы, вдоль глухих стен складов. С океана повеяло солёным — доки были где-то рядом, но Проньра старательно обходил их стороной.

Пустоброд напрягся, глянул на Марти. В засаду ведёт? Проньра? Смешно. Вон как башкой вертит — боится, что увидят. Видать, приказ был доставить анонимно. А приказы Гуннара принято выполнять.

Поворот. Ещё один. Залив и доки остались позади. Какие-то задворки, Пустоброд здесь ни разу не был. Что за дела?

— Сюда.

Воровато оглянувшись, Марти сунул ключ в висящий на ржавых воротах замок. Потянул на себя створку — немного, лишь чтобы хватило проскользнуть внутрь. Пустоброд зашёл, положив ладонь на револьвер. Зыркнул по сторонам. Ничего, кроме пары проеденных ржавчиной лодок.

— Не дрейфь, — усмехнулся Марти. — Грохнуть можно было и поближе.

Пустоброд не ответил. Он не любил Проньру.

— Заходи.

Марти распахнул дверь покосившегося сарая и сделал приглашающий жест. Внутри стоял стол. И горела аккумуляторная лампа. Лишь немногие в Бей-Сити могли позволить себе такую роскошь. Гуннар Торсен был одним из них.

Пригнувшись, Пустоброд зашёл. Хотел было сесть. Но дорогу преградил набычившийся Медведь: охранник Гуннара метров двух в высоту и столько же, если не больше, в ширину. Он скрестил на груди руки, смотрел молча и исподлобья. Бывший борец, участвовал в подпольных турнирах. Весь в шрамах. Но Пустоброд его не боялся. Он вообще мало кого боялся.

— А, а! — Марти подошёл, протянул руку. — Вы знаете правила, господин шатун.

Пустоброд поморщился. Достал из кобуры кольт, вложил рукоятку в узкую влажную ладонь. Марти повертел оружие. Прицокнул.

— Прелесть, а не пушка. Может, всё же продашь?

— Выйди, — коротко бросил Гуннар. — Медведь, проводи.

Медведь повернулся к Проньре. Глянул свирепо. Марти вскинул руки и выскользнул за дверь.

— Садись, — кивнул Гуннар на пустую скамейку. — Извини что так поздно.

— Ничего.

Гуннар смотрел спокойно. Как всегда. И непонятно, то ли нравишься ты ему, то ли сейчас тебя грохнет. Вот уж кто настоящий Медведь.

Гуннар был стар. Лет шестьдесят, может больше. Широкий, грузный, с короткой седой бородой и тяжёлым взглядом из-под кустистых бровей. Кожаная куртка, вязаный рыбацкий свитер. И руки — большие, узловатые, в шрамах и наколках. Руки человека, который всю жизнь работал. Строил свою маленькую империю. Любой ценой.

Пустоброд немного знал о Гуннаре. Что-то от других, что-то от самого Торсена, размягченного бутылкой хорошего виски. Тот доверял Пустоброду, особенно после последнего заказа. А доверял Гуннар немногим.

Когда случилась Война, он был ребёнком. Приехал из Норвегии с родителями, посмотреть Америку. Посмотрели. На все деньги. Особенно когда снесло лежавший к востоку Портленд.

Бей-Сити спасло лишь то, что в тот день дул северный ветер. А дальше... отец не выдержал, спился. Связался с бандой, его так и не нашли. Мать тащила на себе сына. Занималась...

чем угодно, лишь бы прокормиться. Гуннар про это не говорил, но показывал фотографии высокой стройной блондинки. Всё остальное Пустоброд додумал сам.

А потом мама умерла. Что-то с лёгкими, кто в этом тогда разбирался. Гуннар остался один. Подросток в чужом, полном беженцев, крови и предательства мире. Он понял, что надеяться не на кого. Что надеяться можно лишь на себя. И принялся выгрызать место под тусклым от выбитой в стратосферу пыли солнцем. В этом они с Пустобродом были схожи.

Убивал ли он людей? Убивал. И Пустоброд убивал. Правда, Гуннар убивал больше. Иначе не стать хозяином доков. И одним из хозяев города. Ведь даже сейчас некоторые шипят в спину: чужак, приезжий. А что было тогда, в холодное, голодное первое время?

Пустоброд работал на него третий год. Гуннар платил честно, не обманывал. А потом и вовсе перевёл на зарплату. По меркам Пустоши — почти святой.

Но доверять ему Пустоброд не собирался. Он вообще никому не доверял. Уже пятнадцать лет как.

— Зачем я здесь?

Гуннар многозначительно помолчал. Затем откупорил бутылку и придвинул Пустоброду стакан.

— Выпей.

— Сейчас не стоит.

— Выпей, — с нажимом повторил Гуннар.

Пришлось подчиниться. Виски обжёг рот, стёк жидким огнём по пищеводу. Пустоброд крякнул. В голове приятно зазвенело.

— Мы же здесь не для того, чтобы нажираться?

Гуннар усмехнулся. Помотал седой головой, откинулся на спинку стула. Посмотрел с интересом.

— Ты мне сразу понравился, — сказал он. — Ещё когда тебя в первый раз увидел.

— Это намёк?

Гуннар расхохотался, обнажив крепкие, пожелтевшие от табака зубы. Грохнул кулаком по столу, да так, что звякнула бутылка. Пустоброд не сдержался — тоже улыбнулся. Виски било в голову и приятно согревало.

— Никаких намёков, сынок. — Отсмеявшись, Гуннар глянул прямо в глаза: тяжело и пристально. — Я же могу на тебя положиться, верно?

Пустоброд подобрался. Похоже, пришла пора расплачиваться за оказанное доверие. Что ж, он этого ждал. Такие, как Торсен не приближают к себе просто так. Они вообще ничего просто так не делают.

Он взял бутылку. Налил немного виски, отхлебнул. Напрягаться нет смысла. Теперь уже можно и расслабиться.

— Я слушаю.

— Есть для тебя дело. Большое. Последнее. — Гуннар говорил чётко, с лёгким акцентом. — Доставить пакет. Всё, как ты любишь.

— Почему последнее? — Пустоброд позволил себе натянуто улыбнуться.

Гуннар хмыкнул:

— Потому что за него я отвалю столько, что сможешь уйти на покой. Поселишься хоть на востоке, хоть в Канаде. Или в Мексику подашься, что там от неё осталось. А лучше здесь. Под моей защитой. Мне верные люди не помешают, даже на пенсии.

— Мне не нужна защита.

— Ага. — Гуннар хрюкнул и разлил остатки виски. — Как скажешь.

— Что за пакет?

— Это неважно, — помотал головой Гуннар. — Важно — куда и кому.

— И куда же?

— В Харбор.

— Куда?!

— Харбор, — с расстановкой повторил Гуннар. — Доставишь пакет и вернёшься. Взамен получишь...

Он назвал сумму. В серебряных долларах. Таковую, что можно купить Великое озеро и основать там новый город.

— Это больше тысячи миль. На юг, — тихо сказал Пустоброд.

— Я знаю, — кивнул Гуннар. — За это и плачу. А что касается юга... Чего это ты его так боишься?

Пустоброд промолчал. Он понял, что про юг брякнул зря.

— Передашь пакет Чифу. Это у них главный, — принял молчание за согласие Гуннар. — Надо будет дождаться ответа — дождёшься. И доставишь сюда. Нос не совать. Не болтать. Вопросов не задавать. Сделаешь всё быстро — получишь бонус. А ты сделаешь. Больше некому.

— Мне нужны будут деньги. Документы. До Харбора можно только по шоссе. Через Пустошь не вариант.

— Даже тебе? — прищурился Гуннар. — Что же ты за пустоброд такой, если в Пустошь сойти боишься? Мне бы лучше, чтобы ты мимо шоссе топал. Подальше от любопытных.

— Мимо шоссе — это побережье. Фриско, Санта-Барбара, где режут за ботинки. А ещё Лос-Анджелес. Рассказать про Лос-Анджелес?

— А то я не знаю. — Гуннар вынул из куртки бумажный конверт. — Тут хватит, чтобы арендовать свой караван. Но не советую, привлечёт внимание. Впрочем, решай сам. Я в твои дела не лезу.

Пустоброд принял конверт. Машинально пересчитал: старые, довоенные доллары, несколько серебряных монет. Тут хватит. До Харбора и обратно раза три сходить.

— Я согласен.

— Вот и ладошки.

Гуннар протянул Пустоброду широкую лапищу. Задержал, сжал на мгновение руку.

— И не вздумай дурить, сынок. — тихо сказал он. — Найду везде, не спрячешься. А прятаться тебе негде, я знаю. Так что буду ждать.

Пустоброд выдержал тяжёлый взгляд. Кивнул молча. Гуннар выпустил его руку и улыбнулся.

— Пойдёшь прямо сейчас, домой не возвращайся. К утру тебя в городе быть не должно.

На стол лёг пакет, плотно замотанный коричневым скотчем. Пустоброд взял его. Подержал на весу. Тяжёленький.

В углу, под скотчем, тускло блестела сургучная печать. Якорь и волна. Герб Бей-Сити. Чуть ниже выбит номер: 0914.

Пустоброд поднял на Гуннара удивлённый взгляд.

— Откуда?

— Не твоё дело, — отрезал Гуннар. Самодовольно отрезал. И было, отчего.

С такой печатью не досмотрят: официальная корреспонденция. Можно проверить по реестру, запросить подтверждение по радио. Да никто и не будет. Дураков нет — такое подделывать.

Но главное даже не это. Торсен, сукин сын, всё рассчитал. А Пустоброд ещё удивлялся, чего его гоняют по мэским поручениям. Деша, запросы, ерунда всякая. Оказывается — не ерунда. Приучал. Чтобы привыкли: ходит человек по делам города, ничего особенного. И если стукнет кто конкурентам, — а им рано или поздно стукнут, — ну, опять Пустоброд с пакетом, обычное дело. А что в пакете — поди разбери. Разве что мэра допрашивать.

— Спасибо, что напоил на дорожку.

— Ничего. В пути развеется, — хохотнул Гуннар. — А теперь брысь. Одна нога здесь, другая там. И через пару месяцев жду с новостями.

Когда Пустоброд вышел, то первым делом забрал у Марти кольт. Пересчитал патроны, сунул оружие в кобуру. Проньера хотел что-то сказать, но Пустоброд сверкнул глазами, и Марти тут же куда-то растворился.

Форт-Хилл, стоянка караванщиков. До него часов двадцать пехом. По бывшему Федеральному-101 на юг, потом по Двадцать второму на восток. Но по шоссе лучше не идти. Легенда — для чужих, а здесь все свои. Увидят ночью на шоссе — языки зачешутся. Так что первые миль двадцать, до Бер-Крик, придётся продирается через леса. А дальше уже можно светить физиономией.

Всё это он додумывал машинально, уже сворачивая к тайнику. За ним не следили — своё дело Пустоброд знал крепко. Да и не будет сейчас никто следить. Гуннар голову оторвёт.

Гуннар... Аккуратно разбирая кирпичи, Пустоброд снова и снова проигрывал в голове разговор. Пакет. Посылка. Вернуться и доложить.

Заплатит Гуннар или нет? Другой бы точно кинул. Проще прикопать курьера где-нибудь в Пустоши, чем отваливать жирный кусок, да ещё серебром. Но Гуннар — не другой. И дело тут явно непростое.

Под кирпичами показалась крышка деревянного ящика. Внутри лежал армейский рюкзак. На вид неказистый, потёртый. Но таких сейчас не найти.

Пустоброд достал рюкзак. Открыл, проверил пожитки. Консервы, галеты, фляги — по пути надо наполнить и напиться, чистая вода в Пустоши роскошь. Пенициллин с востока, срок ещё вроде не вышел. Коробок спичек, бинты, иголка с ниткой. Немного довоенных стимуляторов, если придётся отрываться от погони.

Но было в рюкзаке ещё кое-что. Обтекаемое, чёрное, с удобной рукоятью и выбитой на корпусе гравировкой. И спрятанное хорошо: в тайнике, под двойным дном.

Тайник — работа мастера, кучу денег стоил. Швы не видно, толщину не прощупать. За пятнадцать лет ни один досмотрщик не нашёл. Да и не искали особо: по местным маршрутам стража не зверствует. Проверят документы, глянут на оружие — и машут рукой. Рыться в чужих вещах — это работать. А работать никому неохота.

Вроде, всё. Можно идти. За домом Гуннар обещал присмотреть. А по возвращении можно купить новый, у озера. Подальше от города и от людей.

Пустоброд усмехнулся таким мыслям. Старость — не радость, это точно. А с другой стороны, идти ведь и правда больше некуда. Разве что в Мексику бежать, или в Канаду. Но как бежать в Канаду, когда здесь могила отца? И где-то на юге — брат. Пусть дурной, заплутавший. Но брат. Семья. Единственная, что у Пустоброда осталась.

Пустоброд резко застегнул рюкзак. Взвалил на лопатки привычную тяжесть, проверил, подтянул лямки. Ничего не бренчит, не звенит. Всё готово к походу. Длинной в тысячу миль.

Давненько он так далеко не забирался. Последние пару лет всё больше шарил по окрестностям, выискивая для Гуннара довоенные диковинки. Последний заказ вообще удивил: надо было найти карты побережья. Течения, глубины, всё, что можно. Пришлось тащиться в Асторию, рыться в руинах лоцманской станции. И в Портленде полазить, точнее в том, что от него осталось. Мрачное там место, хуже Фриско. Зато в руинах порта сыскалось недостающее.

Двадцать часов. Леса. Днём — жара, ночью — сырая, пробирающая до костей промозглость. Дальше, правда, должно быть полегче — если сложится с попутными караванами.

Старость. Полегче захотелось. Пустоброд тряхнул головой, выпятил немного челюсть. Он всегда шёл трудностям навстречу. Даже уходя всё дальше и дальше на север.

Обманет Гуннар или нет — плевать. Даже если обманет — ну, значит, отмучился. Что ему, Пустоброду в этом мире искать? На что надеяться? А сейчас... сейчас важно сделать первый шаг. Пройти дорогу до конца. И неважно, что будет потом.

Пустоброд вздохнул. Снова проверил лямки. Посмотрел прощальным взглядом на всё так же спящий город. И зашагал узкими улочками к южным воротам.

Глава 2 — Дорога на юг

До Форт-Хилла он добрался без приключений, если не считать беженцев в Бер-Крик. Грязные, оборванные, Пустоброд думал — южане, а оказалось, что аж с Манхэттена. Что у них случилось, Пустоброд так и не понял. То ли война, то ли мор. На востоке, если крупные города не считать, хреново. Вот и снялись всей деревней, подались куда глаза глядят. Одна только проблема: заняты давно места. А пришлые не нужны никому, одни проблемы от пришлых. Шериф им так и сказал: мол, в Канаду идите. Там места полно, селись — не хочу. Только в Канаду никому неохота. Холодно там, и людей почти не осталось. Потому и прутся все на запад. Будто им мёдом намазано.

Пустоброд не стал с ними общаться — протиснулся к колодцу, наполнил флягу. Какой-то мужик преградил дорогу, заговорил: быстро, отрывисто. Изо рта у него воняло, как из помойки. Пустоброд отодвинул мужика в сторону и молча двинулся дальше. Не его проблема. Пускай шериф разбирается.

Нужный караван обнаружился на удивление быстро. Прямохонько до Салема, без остановок. Кони крепкие, молодые. Повозки всего две. Охрана: пара парней с ружьями и мужик постарше с ржавым автоматом. Немного, но для севера нормально. Южнее такую охрану на смех поднимут.

Хозяин каравана, сухой жилистый мужик по имени Бен, оглядел Пустоброда с ног до головы. Задержался взглядом на кольте. На плаще.

— До Салема, говоришь?

— До Салема.

— Серебром?

Пустоброд молча выложил пару монет. Бен взял их, кивнул. Вопросов больше не было.

— Вон на той поедешь. — Он указал на заднюю повозку: крытый латаным брезентом фургон на скрипучих деревянных колёсах.

— Сколько ехать?

— Дня два-три. Сегодня до Уилламины, заночуем там. Завтра через Даллас до Салема. Если без приключений.

— А что, случаются приключения?

Бен вздохнул. Понизил голос.

— Всякое бывает. Пошаливают. Говорят, это пришлые. Так что как повезёт.

— Мне надо в Салем, — твёрдо сказал Пустоброд. — Безо всяких «как повезёт». Если надо — помогу отбиться, но тогда с тебя скидка. А не согласен — гони назад монеты.

— Ладно, ладно, — вскинул руки Бен. — Будет тебе Салем. Это я так...

Он ещё раз оглядел Пустоброда. Уже по-другому — с уважением. И ушёл куда-то по своим делам.

Пустоброд забрался в фургон сразу. Нечего светиться, даже здесь. Знакомых рож он, правда, не видел. Но это не значит, что в Форт-Хилл не занесло из Бей-Сити кого-то из любопытных.

В фургоне уже сидели двое: баба средних лет с корзиной и тощий парень, похожий на мелкого торговца. Остальное место занимали мешки и ящики. Пахло солёной рыбой и чем-то кислым.

Пустоброд кивнул попутчикам, устроился в углу. Разговаривать не хотелось.

Тронулись чуть позже. Зацокали копыта, заскрипели по камням колёса. Вздохнув, баба вытащила из корзины завёрнутый в промасленную бумагу сэндвич. Парень достал пару очищенных яиц.

— Угощайтесь, — нехотя предложил он.

Пустоброд покачал головой. Он был не голоден, да даже если бы и был... Брать еду у случайных попутчиков — надо быть идиотом. Особенно если ты курьер с посылкой. Особенно с такой.

Мысли крутились вокруг загадочного пакета. Открывать его, конечно, никто не собирается. Но ведь и думать про содержимое не запрещено. Тем более когда скучно и нечего делать.

Считается, что курьеры не задают вопросов. Пустоброд и не задавал, просто любил поупражнять мозги. Это полезно: и для мозгов, и для шкуры. Иные посылки ведут прямо в могилу, и примеров на своём веку он видел предостаточно.

Что он везёт в Харбор? Не наркоту же. За наркоту там вешают. И на севере вешают. Много курьеров на том погорело, особенно тех, кто не задавал вопросов. А Пустоброд задавал. И сейчас задаёт. Такая привычка. Неявно связанная с долголетием.

Он перевернулся на другой бок, лицом к стенке. Сощурился, сосредоточенно размышляя.

Пакет предназначен самому Чифу, главе городского совета. Потом должен последовать ответ, из чего вытекает, что в пакете какое-то послание. Какое? Чёрт его знает. Возможно, деньги. Или драгоценности. За это голову не снимут. Но и не поглядят, если что-то пойдёт не так.

Бред. Зачем Чифу деньги? Харбор сам кому хочешь ссудить может, торговля с Мексикой идёт будь здоров. Нет, тут что-то другое. Что-то важное. Достаточно важное, чтобы вызвать к себе среди ночи. И, кстати, почему среди ночи? От кого прятался всемогущий Гуннар в ржавом сарае на окраине доков?

Пустоброд нахмурился, закусил губу. Что-то большое затеял господин Торсен. Потому и скрывался: не иначе, от глаз конкурентов. Потому и приблизил к себе опытного «стрей»:

бродягу, излазившего Пустошь вдоль и поперёк. А затем отправил к тигру в пасть, а точнее — в Портленд за картами.

Карты. На черта ему карты? В Портленде почитай с самой Войны не живут. Даже в Канаде живут: вдоль южной границы. А в Портленде — нет. Потому что дурные слухи про него ходят. И люди пропадают. Пустоброд и сам, когда там шарился, чуял спиной чей-то взгляд. Следили за ним. Ненавязчиво, но внимательно. Кто — чёрт его знает, он так и не понял. Но спал на всякий случай только хорошо заперевшись: в заброшенных, пропавших пылью домах на сохранившихся окраинах. А ведь там ещё и радиация, нехилая. Пятьдесят лет прошло, а она толком не спала.

За тот поход он выкатил Гуннару внушительный счёт — и это плюсом к зарплате. Был уверен, что Торсен его пошлёт. Но он не послал — оплатил, как миленький. И даже на чай оставил.

А были и другие походы, за довоенными побрякушками и золотом. Где искать, иногда подсказывал Торсен. Часто — нет. И тогда приходилось искать самому, в чём Пустоброд был мастер. Он искал. И находил. То, чего другие найти не могли. Например, старые книги. Журналы. Оружие. Ещё — кое-как действующие лекарства.

Много по Пустоши припрятано на чёрный день. И вот день тот настал, и даже прошёл, а ценности так и остались в земле. Некому их выкопать, некому вспомнить: истлели давно хозяева. А дети их, если остались, дай бог, чтобы умели читать. Да что читать? Друг друга не едят — и ладно.

Так зачем, всё же, Торсену карты? И не лежат ли они, часом, в посылке? Как часть некоего заманчивого предложения. Несомого в Харбор одним не очень далёким курьером.

Пустоброд похолодел. Сглотнул. Вспомнил снова увесистый пакет. Прикинул.

Если там лежат карты, то там может лежать и золото. Как аванс. Демонстрация доброй воли. У Торсена есть чем торговать, но нет флота. А у Харбора он есть: надёжные ещё, довоенные корабли, которые вполне могут дойти вдоль берега до Бей-Сити. И тогда Торсен срывает куш, подминает под себя доки и весь город. Да что город — он и окрестности подомнёт, вплоть до Салема. Торговля с Харбором — это же мечта! А других нормальных доков на побережье не сыскать.

А ведь есть ещё Край. «Викинги». Север Канады, Аляска: свирепые, холодные места. Но есть там и плюсы. Много плюсов. Нефть, золото, рыба, лес. Про то, правда, только слухи ходят, на юг эти ребята почти не спускаются. Может, и правильно. Только вот с помощью Харбора Торсен может дотянуться и до них.

Пустоброд не удержался и тихонько присвистнул. Серьёзная заварилась каша, а он, выходит, в самой гуще. И если всё так, то его могут искать. И тогда нужно быстрее добраться до Харбора. И постараться вернуться оттуда живым.

Может, конечно, ерунда. Фантазия. Только отчего Торсен отправил именно его? А не передал пакет с надёжным караваном? И потом, есть ведь радио. Плохонькое, хрипящее, но есть. Короткое сообщение можно передать, не из Бей-Сити, так из Салема. Можно, но... нельзя. И значит Пустоброд всё понял верно.

Есть в происходящем, впрочем, и хорошее. Когда такие масштабы, Торсен точно не будет мелочиться. Заплатит, как и обещал. А если всё пойдёт хорошо, даже пристроит к новому делу. Почему бы и нет? Пустоброд его ни разу не подводил. А надёжных людей нынче мало. Не на Марти же Проньру, в самом деле, полагаться!

Копыта лошадей зацокали по растрескавшемуся асфальту. Двадцать вторая, старая Орегонская трасса. Теперь по ней до Уилламины. И в Даллас придётся заглянуть — там, вроде, в Войну не долбануло. Скукотища, конечно. Но что делать. Всё лучше, чем тащиться пешком.

Пустоброд вынул флягу. Отхлебнул. Затем подложил под голову рюкзак: хитро, чтобы если потянут, сразу вскочить. Закрыв глаза. Вспомнил ещё раз Гуннара. И заснул.

Он проснулся уже под вечер, когда караван не спеша втягивался на стоянку. Мимо проплыла деревянная вывеска на двух почерневших от времени столбах. Красные буквы на тёмном фоне выцвели и облупились: «Willamina High School». И ниже, помельче: «Elementary Complex».

Старшая и младшая школы. Тогда, до Войны, детей учили долго — лет десять, а то и больше. Читать, писать, считать. Историю, географию. Всякую ерунду, которая теперь никому не нужна. Впрочем, читать и считать по-прежнему полезно. Особенно считать. Особенно деньги.

Фургон выкатил на старую парковку — широкую асфальтовую площадку, всю в трещинах и выбоинах. Кое-где асфальт провалился, обнажив песок и щебень. Пророс травой и упрямыми кустиками.

Выцветшая жёлтая разметка ещё угадывалась — ровные линии, когда-то отмечавшие места для машин. Теперь вместо машин стояли телеги и фургоны, а между ними бродили расседланные лошади.

Пустоброд выбрался наружу, разминая затёкшую шею. Огляделся.

Школа была длинная, приземистая, из тёмно-красного кирпича. Широкие окна забиты где досками, где листами ржавой жести. Крыша местами просела. Но место обжитое: у входа дымила полевая кухня, сновали люди — не то охранники, не то местные.

— Располагайся, — подошёл к нему Бен. — Можешь ночевать в фургоне, или в школе, если места есть. Двадцать центов за ночь, приличная койка. Правда, говорят, клопы покусывают.

— Нет уж, я лучше здесь.

Клопов Пустоброд не боялся. Вот клещей, особенно крестовиков — боялся, потому как заразу разносят. Чужих глаз, опять же, опасался. А клопы... Да что клопы? Безобидные, в общем, создания.

Баба с корзиной куда-то запропастилась. Видать, сюда и ехала. Бен уже отошёл и толковал о чём-то с местными. Тощий паренёк помогал выгружать из фургонов ящики. Снова запахло рыбой.

Пустоброд отошёл чуть в сторонку. Достал галету, медленно разжевал. Осмотрелся.

В Уиллаmine он не был ещё ни разу. В местах этих — да, а с Уилламиной как-то не срослось. Впрочем, много он не потерял. Типичная дыра, на которую жалко тратить боеголовку. До Войны, говорят, была побольше Бей-Сити. Но то до Войны. Сейчас Бей-Сити разросся, отстроился. А здесь словно ничего и не изменилось.

Заморосил лёгкий дождик, забарабанил по крышам фургонов. Одна из лошадок повела ухом и фыркнула. А люди даже ухом не повели.

Лет двадцать назад они бы забегали. Фоллаут, мать его. Радиоактивные осадки. Красивое слово для дряни, которая сыпалась с неба и убивала медленно, но верно. Сейчас другое дело. Полвека прошло — вся гадость давно в земле. Теперь не боятся радиации. Теперь боятся друг друга.

Стемнело. Тут и там зажглись костры, потянуло дымком и чем-то жареным. Экономные караванщики не хотели платить за постой в бывшей школе. Да и пассажиры тоже всё больше остались на парковке. Парковка... странное слово, оставшееся в далёком прошлом. Но даже сейчас вокруг виднелись ржавые остовы машин, аккуратно растасканные по краям. Чьи они, интересно, были? Почему остались здесь? Теперь уже не узнать. Полвека назад в Уиллаmine прозвенел последний звонок. А спустя три коротких страшных дня мир замер навсегда.

Бен тоже развёл костёр. Сказал что-то тощему, сел на картонку, грея руки над огнём. Тощий опустился рядом и вопросительно посмотрел на Пустоброда. Тот вздохнул: надо идти.

Знаменитое караванное гостеприимство. Можешь молчать, можешь спать в углу, но хоть раз покажись у общего костра. Поздоровайся. Дай на себя посмотреть. Иначе — Loss of trust, как говорили когда-то. Потеря доверия. А без доверия в пути туго.

Пустоброд подошёл, кивнул. Сел на перевёрнутый ящик. Бен протянул ему жестяную кружку — пахло травяным отваром, горьковатым, горячим. Пустоброд отхлебнул. Кивнул ещё раз — в благодарность.

— Далеко едешь? — спросил тощий. Голос у него был неожиданно густой и басовитый.

— В Салем.

— А дальше?

— Дальше видно будет.

Тощий хмыкнул, но допытываться не стал: не принято. Бен подбросил в костёр щепок. Отпил из дымящейся кружки.

— Слышал, на юге беспокойно, — сказал наконец он. — Ребята из Юджина рассказывали. Говорят, Койоты зашевелились.

— Они всегда шевелятся, — пожал плечами тощий. — Это ж Койоты.

— Не, тут другое. — Бен понизил голос. — Ходят слухи, они куда-то собираются.

— Куда собираются? — спросил Пустоброд.

Бен пожал плечами:

— А хрен их знает. Может, к нам, может в Техас. У них с техасскими счёты. Те им не раз харю кровили.

— Брешут, поди, — отмахнулся тощий. — Какой «к нам»? Слишком далеко.

— Может, и брешут, — согласился Пустоброд. — Может быть...

— Озверели они совсем, — буркнул Бен. — Посёлки жгут, людей угоняют. Истинно койоты. Не люди. Рейдеры.

— А ты больше слушай, что другие мелят, — проворчал Пустоброд.

— Люди же говорят...

— Люди и про голос с востока говорят. И про Проводника болтают, что в прошлое уводит. Тоже верить будешь? Или головой сначала подумаеть?

— Ты ещё скажи, что Бункерных нет, — прищурился тощий.

— Конечно, нет, — отмахнулся Пустоброд. — А даже если были, то давно передохли. Пятьдесят лет прошло, парни. Где они, ваши Бункерные?

— Даже если сдохли, надо их раскопать, — с внезапной злостью сказал Бен. — И в Пустоши побросать, чтобы койоты жрали. Дерьма куски. Отсиделись. — Он сплюнул. — Пока мы тут горели и за кусок хлеба грызлись.

— Не любишь их, я смотрю. — Пустоброд усмехнулся. Отхлебнул из кружки.

— А кто их любит? — вмешался тощий. — Тут даже не в том дело, что попрятались. А только несправедливо это. Что те, кто мир спалил, за это не ответили. Другие за них ответили. Те, кто ни при чём.

— Справедливо, несправедливо, — покачал головой Пустоброд. — В Пустоши кто сильнее, тот и прав. Всегда так было. И будет.

— Всегда... — вздохнул Бен. — Может, и всегда. Только знаешь, чего не пойму? Ведь не хотели же люди той войны. Я точно знаю, мне отец рассказывал. Были, конечно, психи. Но психи всегда есть. А люди не хотели, ни у нас, ни у них. Протестовали, в самоволку сбежали, иные в тюрьму даже шли. А война всё равно случилась. Как так вышло?

Пустоброд помолчал. Отхлебнул остывший отвар.

— А так и вышло, — сказал он наконец. — Люди — они по отдельности, может, и ничего. А вместе — стадо. Куда погонят, туда и бегут. Кто громче крикнет, за тем и идут. А потом удивляются, что всё в тартарары полетело.

— Мрачно как-то, — поёжился тощий.

— А ты веселья хотел? — Пустоброд поставил кружку на асфальт. — Возьми хоть рейдеров. Думаешь, они с рождения звери? Да нет. Обычные были люди. Голодные, злые, напуганные. А потом пришёл кто-то и сказал: вот добыча, бей-хватай. И всё. Нет больше людей. И до войны так было. И сразу после. — Он пристально взглянул на караванщика. — Отец тебе не рассказывал, Бен?

— Он всякое рассказывал, — тихо ответил Бен. — А только не все люди зверьё. Были те, кто за банку консервов кишки выпускал. А были и те, кто последнее отдавал. У нас, когда еда кончилась — сосед поделился. Вот так пришёл — и пол-ящика тушёнки отдал. Дядя Сэм. Смешно, да? Дядя Сэм... — Бен сглотнул. — Он людей собрать хотел. Не как у других, все под одним. А чтобы сообща. Помогать, делиться...

— ...а потом его убили, — тихо закончил Пустоброд. — Свои же. Так?

Караванщик кивнул.

— Почти. Он в соседний посёлок пошёл. Договариваться хотел, чтобы вместе держаться. — Бен помолчал, вздохнул. — Там его и убили. А через неделю к нам пришли. С оружием.

— И что община?

— Стояли. — Бен сглотнул. — До конца стояли. Людьюми умерли, не на коленях.

— А ты?

— А я совсем мелким был. Отец нас с матерью вывел. Ночью, через овраг. — Бен смотрел в огонь, не мигая. — И ещё двоих детей забрал. Соседских. Они теперь мои брат и сестра. Названные.

В сердце кольнуло, но Пустоброд не подал виду.

— Отец мог остаться, — продолжал Бен. — Драться. Но тогда бы нас всех...

— Не осуждаешь его? — тихо спросил тощий.

— Нет. — Бен покачал головой. — Он детей спасал. Это тоже выбор.

Повисло неловкое молчание. Костёр потрескивал, выбрасывая искры в сырой воздух. В тёмном небе россыпью горели звёзды. Промелькнула яркая чёрточка: может, метеорит, или старый спутник. Они и сейчас там болтаются. Шлют сигналы. Не понимая, почему с поверхности больше не отвечают. А кто им ответит? Когда не все уже знают, что такое космос.

— Ладно, — Пустоброд встряхнулся. — Давайте жрать, что ли? Я угощаю.

— Ну уж нет, — покачал головой Бен. — Сегодня угощаю я. Надо помянуть дядю Сэма. У него сегодня День рождения.

У деревянных, обитых железом ворот Салема столпились несколько караванов. Досмотр, бумаги, «предъявите». Пустоброд терпеливо ждал. Подошла его очередь, досмотрщик полез было в сумку — и замер. Увидел печать. Толкнул рюкзак обратно.

— Проходите.

Даже на оружие не взглянул. Официальная корреспонденция, особое поручение — к таким и отношение другое. Молодец Гуннар. Спрятал на виду у всех, да ещё и пропуск выписал. Знал ведь, шельма, что через Пустошь до Харбора не дойдёшь.

Караван на юг тоже нашёлся быстро — Салем немаленький, торговля идёт бойко. Хозяин, пузатый мужик с рыжей бородой, оглядел Пустоброда и кивнул.

— До Сакраменто? Ладно. Выходим завтра на рассвете. Южные ворота.

— Почему не сегодня?

— А пропуск у тебя есть? — Рыжий хмыкнул. — Даже транзитным теперь бумажка нужна. Особое положение.

— Это ещё с чего?

— А хрен их знает. — Рыжий пожал плечами. — Говорят, на юге неспокойно. То ли рейдеры шалят, то ли ещё что. Комендант перестраховывается. — Он сплюнул. — Короче, топай в комендатуру, третий кабинет. Там оформят. Только очередь с утра займи, а то до вечера просидишь.

В комендатуре и правда была очередь — длинная, унылая. Пустоброд тоже приуныл. Но тут к нему подскочил шустрый парень в чистенькой рубашке.

— Срочно надо, да? Могу помочь. Услуги оформления, всё официально. Десять долларов — и через полчаса заберёте.

— Официально, значит?

— Абсолютно. — Парень и глазом не моргнул. — Мы с комендатурой работаем. Партнёры.

Партнёры... Вот за это он Салем и не любил. Воруешь — так воруй. Или порядок наводи. А когда ни так, ни эдак... Впрочем, чего ещё ждать от нацгвардии? Отец про них рассказывал. Вояки недоделанные.

Хотя, если честно, тогда они город удержали. Пока другие разбегались, эти собрались, окопались, порядок навели. Многие выжили только благодаря им. Но то было тогда. А сейчас у власти их дети и внуки. Которые сами ни черта не держали и не заслужили.

Развели полицейщину: патрули на каждом углу, пропуска, доносы. Зеков бывших из местной тюрьмы понабрали — людей-то не хватало. Вот и вышла помесь ужа и ежа. Тьфу!

Пустоброд отсчитал деньги. Через двадцать минут ему вынесли пропуск — настоящий, с печатью и подписью. Всё чинно. Всё благопристойно.

Салем.

А ведь со стороны посмотреть — город как город. Улицы метут, патрули ходят. Правила строгие: за насилие, кроме мелких драк — расстрел на площади. Комендант речи толкает: про закон, порядок, про светлое будущее. Соседние посёлки под себя подмял, и дальше тянется — амбиции у него, видишь ли. Новое государство строит.

Только вот фундамент гнилой. Сверху красиво, а когни — труха. Сынок торгует пропусками. Начальник стражи крышует бордель. Судья берёт взятки. И все молчат. Потому что так заведено. Потому что «партнёры».

А Пустошь такого не прощает. Она вообще вранья не любит. Рано или поздно — треснет. И посыплется. Пустоброд это видел не раз: крепкие вроде городки, с амбициями и планами. А

потом приходят рейдеры, или мор, или просто голодный год — и оказывается, что стоять-то не на чем. Что те, кто должен защищать, драпают первыми. Или продают своих за пропуск на выход.

Впрочем, не его это дело. Он тут проездом. А Салем — да гори он огнём. Людей только жалко. Тех, что не судьи и не начальники.

До Сакраменто добрались за четыре дня. Шли по Континентальной-5 — бывшей Пятой межштатной, которую незадолго до Войны расширили и укрепили. Бетонное покрытие вместо асфальта, усиленные мосты, широкие обочины. К Войне готовились, ясен пень. Тогда все к ней готовились.

Зато дорога до сих пор держится. Кое-где просела, кое-где заросла. В паре мест зияют старые воронки — объезжают по обочине, по грунтовке. В мосты, слава богу, не попали, так что идти можно. И идут — ещё как. Чем дальше на юг, тем больше караванов. Одни тянутся по Пятой к Харбору — рыба, соль, мексиканские товары. Другие сворачивают на «восьмёрку», на восток: там зерно и патроны. И вода. На юге без привозной никак — немало источников до сих пор фонтанят. Воду берут из Колорадо, она чистая, с гор. Набирают в цистерны, везут через пустыню. Дорого, долго, но выбора нет. Акведуки разнесло первыми же ударами.

В Юме Восьмая Континентальная упирается в Переправу, а на Переправе сидят Койоты. Дань берут со всех — и ничего, платят. Потому что иначе никак. Иначе западу крышка. Впрочем, Койоты не злобствуют и берега видят. Живи и дай жить другим. Как-то так.

После Салема переночевали в Реддинге. Городок маленький, но крепкий. Живут охотой и тем, что с караванов капает. Люди неразговорчивые, себе на уме. Пустоброд таких понимал.

Проехали Ред-Блафф, объехали стороной Чико. Там когда-то был университет — большой, богатый. Сейчас в корпусах живут одичалые. Не такие, как под Фриско, но лучше не соваться. И держать оружие наготове. Что Пустоброд и сделал.

Он ехал в хвосте каравана и всё больше помалкивал. Смотрел, слушал. Чем больше попутчиков, тем больше новостей. И тем проще затеряться.

Снова говорили про Койотов. Неудивительно: чем южнее, тем больше про них говорят. Судачили, что они снова грызутся с Техасом. Что взяли пару поселений, до которых раньше не дотягивались. И даже лезут куда-то на восток.

Люди вздыхали: при Генерале такого не было. Генерал Кросс держал Койотов в узде, за беспредел расстреливал. А как умер, как сынок его, Джеремая, на трон взошёл, так всё и покатило. В... известном направлении.

— А что Техас? — спросил Пустоброд.

Ответили, что с Техасом всё то же. Сидят на остатках нефтяных полей, гоняют рабов. Богатеют. Если бы не Койоты, давно пошли бы на запад. И слава богу, что не пошли. У них ведь как? Город сдался — ладно, живи. Будешь подданным, будешь платить, но живи. А если с боем — то всё. Всех в рабство, без разговоров. И неважно, что лично ты думал. Мэр твой гордый что-то решил, а тебе потом кирку в зубы — и в шахту. Вот и вся лотерея. Играть в которую не хочется.

Колокола услышали ещё за милю. Тяжёлые, мерные удары плыли над дорогой, над полями, над выжженными холмами на западе. Чуть позже показались стены: высоченные, из кирпичей и бетона, с разбросанными тут и там пулемётным гнездами. Над массивными, не чета салемским воротами, колыхался флаг: тёмно-синий, с белым крестом во всё полотнище.

— О, — сказал возница. — Сакраменто, господа.

Рыжий караванчик, ехавший рядом, сплунул.

— Началось. — Он поймал взгляд Пустоброда. — Бывал тут?

— Нет. Я всё больше на севере.

— Тогда держись. Скучнее места на всей Пятёрке нет. — Рыжий понизил голос. — Ни выпить нормально, ни... — Он махнул рукой. — Да вон, сам посмотри.

Здесь тоже стояла очередь. Досматривали всех — неторопливо, тщательно. Молодые ребята в одинаковой одежде: серые рубашки, тёмные штаны, ружья и автоматы. У девушек — тоже пистолеты и ружья. И платки на головах. Все чистые, опрятные. И одинаковые, как близнецы.

— Оружие?

— Кольт. — Пустоброд откинул полу плаща, показал кобуру.

Парень кивнул. Записал что-то в тетрадь. Не отобрал — и на том спасибо.

— Что в рюкзаке?

— Личные вещи. Еда, одежда.

— Открой.

Пустоброд открыл. Предъявил рюкзак к досмотру. Парень порылся и кивнул. Тайник он, само собой, не заметил.

— Цель визита?

— Транзит. На юг.

— Караван отходит послезавтра на рассвете. — Парень говорил ровно, без выражения. — Гостевой квартал — по главной улице, второй поворот направо. Правила знаете?

— Нет.

— Узнаете, — сказал парень. — Проезжайте на площадь. Стоянка там. Храни вас Бог.

На площади перед бывшим Капитолием — теперь над ним висел огромный деревянный крест — толпились караванчики. Стояли кучкой, переминались с ноги на ногу. Ждали чего-то.

— Это ещё что? — спросил Пустоброд у рыжего.

— Проповедь. — Рыжий скривился. — Обязательная. Пока не отслушаешь — в город не пустят.

— Шутись.

— Какие уж тут шутки.

На ступенях Капитолия стоял человек в чёрном. Немолодой, седой, с густой бородой. Пастор. Он ждал, пока соберутся все. Потом поднял руку — и площадь затихла. Каждому хотелось убраться отсюда побыстрее.

— Братья и сёстры, — начал громко святоша. — Вы пришли в город, который Господь уберёт от огня. Пятьдесят лет назад на нас летела смерть. И Господь отвёл её руку.

ПРО сбила, подумал Пустоброд. Или с наведением что-то. Вот и шарахнуло не по центру, а по холмам неподалёку. «Уберёт», как же. Полгорода пылью надышалось, и поминай, как звали. Но попробуй им, объясни. Блаженные.

— Вы спросите: почему мы? Почему не Сан-Франциско, не Лос-Анджелес, не миллионы других? — Пастор обвёл взглядом толпу. — Я не знаю. Это не моё дело — знать замысел Божий. Моё дело — благодарить. И хранить то, что нам доверено.

Он помолчал. Толпа нетерпеливо ждала.

— Старики рассказывают, — продолжил пастор тише, — что после Трёх Дней, когда развеялся дым и люди вышли из укрытий, над городом встала радуга. Огромная, от края до края неба. Как тогда, когда Господь заключил завет с Ноем. — Он поднял руку с потрёпанной библией.

— «Не будет более истреблена всякая плоть водами потопа». И мы поняли: это знак. Господь даёт человечеству второй шанс.

Пустоброд покосился на рыжего. Тот закатил глаза, но молчал.

— Но второй шанс — это не прощение, — голос пастора окреп. — Это испытание. Старый мир погиб во грехе. Содом и Гоморра от моря до моря. Разврат, алчность, гордыня. Люди плевали в протянутую руку Божью — и Господь руку отвёл. — Он обвёл взглядом толпу. — Мы не повторим их ошибок. Здесь, в этих стенах, мы живём по заветам. Труд, семья, вера. Никакого блуда. Пьянства. Скверны. Наказание будет суровым. Запомните это.

Проповедь длилась ещё минут десять. Про одичалых за западной стеной — тех, кто отверг Бога и перестал быть людьми. Про то, что Сакраменто — светоч в темноте, последний оплот. Что каждый день — дар, и разбрасываться им грешно.

— Вы здесь ненадолго, — закончил пастор. — Но пока вы здесь — вы под нашей защитой. Уважайте это. Читайте наши законы. И вспомните Бога. Он про вас не забыл.

Толпа зашевелилась. Потянулись в город. Но кое-кто остался: задрипанного вида мужик и пара тёток в платках поверх засаленных волос. Мужик что-то тихо втолковывал пастору. Одна из тёток поцеловала святоше руку.

— Глянь, — кивнул рыжий. — Уверовали. Думают, тут молочные реки.

— А что, нет?

— Ага, щас. Первые пару лет — на стене. И в походы ходить, одичалых гонять. Потом — пахота. Тут только и знают, что пахать.

— Зато выстояли, — возразил Пустоброд. — Стена стоит. Город. Пусть верят.

— Город-то стоит, — согласился рыжий. — Зато люди падают, особенно бабы. Бабы тут знаешь, как? Рожают, пока не помрут. Пятеро, семеро. Дюжина, если повезёт. Господь велел. А надорвалась — значит, слаба верой. Удобно.

Пустоброд не ответил.

— И попробуй, вякни, — добавил рыжий тише. — Что устал там, или засомневался. Сразу к святому отцу на беседу. А не одумаешься — за стену. Без ничего. Господь, мол, рассудит.

— Сам видел?

— Не. Рассказывали. — Рыжий дёрнул плечом. — Может, брешут. А может, и нет.

Пустоброд посмотрел на чисто выметенную улочку, ведущую от площади. На детей, чинно идущих за матерью — он насчитал пятерых. Дети хилые, чахлые, мать не лучше. Едят, похоже, что придётся. Зато много. Как-нибудь да вырастут.

Мимо прошёл пузатый священник. Раскланялся с мамашей, — та улыбнулась беззубым ртом, осенил детей крестным знаменем. Этот явно питается лучше: физиономия аж лоснится. А разве не сказано в Писании, что делиться положено? Особенно с детьми?

— Не нам их судить, — выдавил Пустоброд, проводив священника взглядом. — Живут — и ладно.

— Да кому они нужны, — отмахнулся рыжий. — Пойдём, расслабимся чутка. Пиво тут дрянь, и больше двух кружек за вечер не наливают. Но хоть поспать дадут. Они, прикинь, клопов повывести умудрились!

Пустоброд ушёл из пивной раньше рыжего — хотел выспаться перед дорогой. Заодно немного пройтись, осмотреться. И проверить, не тянется ли хвост.

Он не успел пройти и ста шагов, как понял — хвост тянется. За спиной мелькнула тень, послышались и стихли чьи-то шаги. Пустоброд зашагал быстрее, свернул в узкий глухой переулочок. Прислушался. Почуввав движение, обернулся.

Двое вышли спереди. Один, отрезая путь к отступлению, сзади. Вышли беззвучно, как по команде. Слаженно вышли.

Не местные. И не оборванцы с большой дороги. Эти знали, что делают. И загоняли его сюда специально.

— Стой, — негромко сказал передний. Коренастый, в тёмной куртке, с аккуратной бородкой.
— Пакет. Отдай — и разойдёмся.

Пакет. Значит, нашли. Значит, легенда Гуннара дала течь. Ай-яй-яй, как нехорошо!

— Какой пакет? — Пустоброд развёл руки в стороны. — Вы меня с кем-то путаете.

— Не тяни. — Коренастый шагнул ближе, в его руке блеснул нож. — Рюкзак на землю. Медленно.

Ножи. Не пистолеты. Умные. На выстрел сбежится стража, а так...

Пустоброд потянулся к ляжке. Снял рюкзак: медленно, покорно. Вытащил пакет. Показал.

Трое подошли ближе, не отрываясь, глядя на добычу. Что, ребятки? Видать, много вам пообещали.

— Лови!

Пустоброд швырнул пакет в лицо коренастому.

Тот отшатнулся, вскинул руки. Второй дёрнулся. Третий, что сзади, кинулся вперёд с ножом.

Но Пустоброд уже двигался. И нож уже был в руке — выхватил одним движением, привычным как дыхание.

Отец учил: в бою думать некогда. Тело должно помнить само. Куда бить — горло, подмышка, бедро. Как бить — коротко, без замаха. Только так можно выжить. Не защищаясь — опережая!

Он ушёл от удара, полоснул третьего по предплечью. Тот взвыл, выронил нож. Пустоброд добавил локтем в висок — готов.

Коренастый сделал выпад. Пустоброд увернулся, ткнул его под рёбра. Провернул.

Коренастый охнул, осел на колени, зажимая рану. Второй попятился. Задрожал.

— Беги, — тихо сказал Пустоброд.

Тот бросил нож и метнулся прочь, в темноту переулочка. Топот затих.

Пустоброд перевёл дух. Вытер лезвие о куртку коренастого. Сел на корточки. Ткнул кулаком в рану.

— Кто послал?

Коренастый застонал, сцепив зубы. Пустоброд нажал сильнее. Из под кулака сочилась кровь.

— Я спрашиваю, кто? Салливан? Моретти?

— Я не знаю... честно...

Пустоброд вырубил его одним ударом. Быстро обыскал тела. Ничего — ни документов, ни знаков. Как он и думал.

Он подобрал пакет, закинул рюкзак на плечо и быстро пошёл прочь — другим переулочком, задворками. В ночлежку возвращаться нельзя. Если нашли здесь — найдут и там. Могут уже ждать.

Пустоброд петлял, пока не убедился, что хвоста нет. Потом нашёл кладбище — старое, разросшееся, у восточной стены. Ночью туда не суются: кому охота тревожить мертвецов. А если и найдут — не накажут. Могилы целы, а что прикорнул за оградой — так мало ли, устал путник.

Он сел между надгробий, привалившись спиной к холодному камню. Нож убрал, кольт положил на колени. Для ночёвки сойдёт.

С рассветом надо уходить. Прямо в Харбор. Если это дело рук Моретти, то лучше, ей-богу, через Пустошь!

Следующим утром он отправился искать себе караван. Тот, про который сказали на воротах, забраковал сразу. Лошади хилые, охрана так себе. Отчаянный хозяин, видать, на грани банкротства. А идти пятьсот миль с гаком, да ещё через гиблые места... Нет уж.

К полудню он начал жалеть о своей разборчивости. Ничего путного не находилось. Были ещё караваны — но один шёл только до Мерседа, другой отправлялся через неделю, а третий... третий просто не понравился. Чутьё. Не раз спасавшее шкуру. Иногда стоит отказаться не раздумывая. Даже если очень торопишься.

Пустоброд уже почти отчаялся, когда на площадь, рыча, въехали грузовики.

Три штуки. На ходу, без лошадей. Старые «федералы» из довоенной службы доставки. Выцветшие буквы на бортах: «Continental Federal». Ржавчина на крыльях, стёртые покрышки. Но движки урчат ровно, не чихают.

Впереди и позади — «хаммеры». Четыре джипа, с автоматчиками и пулемётами на крыше. Стволы лениво поводили по сторонам. Местные уважительно расступались.

Толпа смотрела жадно, как на диковинку. Грузовики — ценность несусветная, особенно такие. У многих руки чешутся, но харборские своё не сдают. Попробуй, угони — рванёт так, что мокрого места не останется. Иные не верили. А Пустоброд однажды видел.

В том, что это харборские, он не сомневался. Грузовиков в этих краях ни у кого больше нет. Или почти нет. А у Харбора есть.

Ходят они с юга на север и обратно. К Койотам не суются. Что возят — лучше не спрашивать. Рыба, соль, мексиканские диковинки — это для виду. А запечатанные ящики — не твоё дело. Харбору многое прощают. Без их торговли половина Косты загноётся. Да и не пустили бы в Сакраменто вооружённый до зубов конвой, если он не оттуда.

Скрипнули тормоза, толпу обдало жаром разгорячённых моторов. Из грузовиков вышла охрана. Не местные, наёмники. Экипированы чуть вразнобой, но оружие у всех что надо. Двигаются собранно, смотрят цепко. Серьёзные ребята.

С такими можно ехать.

Пустоброд выждал, пока они припаркуются. Похоже, ненадолго — моторы не глушили, охрана не расслаблялась. Короткая стоянка, на «оправиться». Значит, действовать надо быстро.

Он подошёл к старшему — жилистому мужику с сединой в коротко стриженных волосах. Тот курил, привалившись к капоту. Окинул Пустоброда делано-ленивым взглядом. Отвернулся.

— На юг идёте?

— Попутчиков не берём. — Мужик всё так же смотрел в сторону.

— Я заплачу.

— Себе оставь. Лишние люди — лишние проблемы.

— Я не лишний. — Пустоброд откинул полу плаща, показал кольт. — И проблем не доставлю. Скорее наоборот.

Мужик хмыкнул. Заинтересовался.

— Стрей? Бродяга?

— Он самый.

— Что тут забыл?

— Пакет. К Чифу. Официалка. — Пустоброд снял рюкзак, продемонстрировал, не доставая, лежащий сверху пакет.

Мужик медлил. А Пустоброду показалось, что из толпы за ним следят. Ну же, давай! Решайся, болезный!

— Официа-алка... — Мужик затянулся, выпустил дым. — До Харбора — шестьдесят баксов. Или двадцать серебром. Жратва своя, место в кузове. В груз не лезть. Отстанешь — ждать не будем.

— Идёт.

— Выходим через десять минут. — Мужик протянул руку. — Коннор.

— Эрик.

Рукопожатие было коротким и крепким. Спустя ровно десять минут Пустоброд выехал из Сакраменто под завистливые взгляды зевак.

Глава 3 — Хоуп

Возле Сан-Франциско их и подловили. Пустоброд дремал в кузове, привалившись к ящикам, когда грузовик резко затормозил. Пустоброда швырнуло вперёд, он едва успел выставить руки. Врезался в металлическую стенку фургона. Выматерился крепко.

Снаружи слышались крики. Потом выстрелы — короткими, злыми очередями. Дробно стучал пулемёт. В кузов что-то гулко ударило. Пустоброд выхватил кольт. Рванулся к двери, попытался открыть. Не хватало ещё сдохнуть взаперти!

Раздался чей-то вой. В кузов снова что-то прилетело. Грохнуло ещё несколько выстрелов, затем дверь заскрежетала и распахнулась. В проёме стоял Коннор с автоматом наперевес.

— Вылезай! Помоги!

Пустоброд выпрыгнул из кузова. Пригнулся, метнулся в сторону, под прикрытие колеса. Глянул вперёд. Скрипнул зубами.

На дороге лежало дерево. Не упавшее — аккуратно положенное. Ветки обрублены, ствол здоровый, сразу не оттащишь. Засада. Классика.

Поумнели.

Из зарослей по обочинам тем временем лезли фигуры. Много. Прямо до черта.

Одичалые. Грязные, оборванные, размалёванные белыми и красным полосами. Полулюди. Звери. Дети нового, прекрасного мира.

Пустоброд видел их и раньше. Обычно — издалека. Живут стаями, жрут что попало. И друг друга жрут, когда голодно. Трусливые твари. На конвой не суются. Эти — сунулись. Рискнули. Видать, совсем во Фриско жрать нечего.

Кто-то свистнул — громко, заливисто. Одичалые заулюлюкали и рванулись вперёд. С палками, с камнями, с заточенными кусками арматуры. Психи. Крысы. Дьявол их всех задери!

Охрана открыла огонь. Застучали автоматы, захлопали пистолеты. Одичалые падали, но лезли. Через трупы, по трупам. Лица пустые, глаза мёртвые. Не боятся. А чего им, с такой-то житухой, бояться?

Рядом с Пустобродом охранник вскинул автомат, дал очередь — и вдруг захрипел, хватаясь за шею. Из его горла торчала стрела. Наконечник из зелёного бутылочного стекла прошёл насквозь.

Парень осел. Выпустил автомат. Недолго думая, Пустоброд схватил оружие и передёрнул затвор. Он не сдохнет здесь, на этой грёбаной трассе, от рук каких-то вонючих дикарей. Он доставит пакет. Вернётся к Гуннару. И купит, мать его, тот самый домик у озера!

Он стрелял одиночными, как учили. Как вбивал в него отец — там, в пустыне. Экономь патроны, но и не жалей. Один выстрел — один труп. И начнёт он, пожалуй, с того урода с луком.

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Бой длился минуты три. Потом одичалые отхлынули — так же внезапно, как появились. Растворились в зарослях, оставив на асфальте тела. Свои и чужие.

Тишина. Только звенит в ушах, да плывёт над асфальтом кисловатая пороховая гарь.

Пустоброд опустил автомат. Выдохнул. Поставил на предохранитель — машинально. Утёр со лба пот.

— Эй!

Он обернулся. У кабины стоял Коннор.

— Ты где так научился?

— В дороге.

Коннор хмыкнул. Помолчал, разглядывая Пустоброда. Потом кивнул на кабину.

— Лезь вперёд. Поболтаем.

Грузовик трясло на выбоинах. Мимо проплывали руины — бетонные скелеты небоскрёбов, заросшие плющом и мхом. Фриско. Мёртвый город. Когда-то — миллионы людей. Теперь — гнездо одичалых.

— Откуда ты, Эрик? — спросил Коннор, не отрывая глаз от дороги.

— С севера. Бей-Сити.

— Далёко забрался.

— Я же пустоброд. Работа такая.

— Ага. — Коннор покосился на него. — Пустоброд. А стреляешь как... — Он недоговорил.

Пустоброд промолчал. Коннор тоже замолчал. Грузовик подпрыгнул на яме, водитель выругался.

За окном всё так же тянулись развалины. Ржавые остовы машин на обочинах. Выцветшие рекламные щиты с грудастыми девками. Одна из них держала в руках бутылку «колы».

— В следующий раз огнемёты возьмём, — зло сказал Коннор. — Подпалим им шкуры. За парней наших.

— Расплодились они, вот и прут, — заметил Пустоброд. — Рейд надо. Вглубь. Вычистить всё хорошенько.

— Надо, — вздохнул Коннор. — Я Чифу давно говорил. Но тут деньги нужны, людей, опять же, набрать. Во Фриско соваться никто не хочет. Разве что с Койотами сторгуемся.

— Думаешь, полезут?

— Койоты везде полезут.

Пустоброд вздохнул. Снова помолчал.

— Умнеют одичалые. Медленно, но умнеют, — сказал он, наконец.

— Не сами, — буркнул Коннор. — Перебежчики учат.

— Перебежчики?

— Ну. Бывает, уходят к ним люди. Не выдерживают. — Коннор сплюнул в приоткрытое окно.

— Там же легче. Думать не надо. О том дерьме, что вокрут творится.

— И что, принимают?

— А хрен их знает. Иных потом видели. Уже... — Лицо Коннора перекошило. — Всякое болтают. Что чуть ли не вербовщики у них имеются, ещё на людей похожие. Болтаются по городам, вынюхивают — кто ослабел, в стаю хочет. Детей похищают. Брешут, наверное.

— Бред какой-то. Кто к ним пойдёт? Да ещё добровольно?

— А вот это ты зря, — серьёзно сказал Коннор. — У нас тут целое движение нарисовалось. Хиппари, придурки. «Назад к природе». С востока пришли, сунулись было к нам. Ну им, конечно, объяснили, попёрли. Сказали, ещё раз придут — отправим в Сакраменто, на перевоспитание. Но каковы, а?

— Рыба ищет, где глубже, а человек — где проще, — процедил Пустоброд. — Вот и находят. Всякую дрянь.

— Точно.

— Давно с Харбором? — спросил Пустоброд.

— Лет пять. — Коннор усмехнулся. — Нормальные ребята. Платят честно, не кидают. О чём ещё мечтать?

— Кто там сейчас Чиф? Нейтан?

— Нейтан, кто ж ещё. Как отец умер, так и правит.

Пустоброд кивнул, глядя на дорогу. Про Дуэйна Коула, отца Нейтана и основателя Харбора, в Пустоши рассказывали у костров, с подробностями и небылицами.

Коул был из тех, кто чует беду раньше других. Двадцать лет в «морских котиках», повоевал вдоволь, научился доверять нутру. Когда понял, что будет плохо, начал готовиться: свозить продукты на старое семейное ранчо в горах на востоке.

В канун Войны он начал действовать. Позвонил старому другу, морпеху Рэю Дэвису из Пендлтона. Сказал забирать своих и уходить. Рэй знал Коула пятнадцать лет. Потому вопросов не задавал.

Коул объявил своему взводу учебный выход. Самоволка, по сути. Кто-то удивился: почему с семьями? Коул ответил: потому что я так решил. И люди послушались, ведь это был Коул. Не раз спасавший им задницы, рискуя своей.

За Коулом пошли почти все. А через шесть часов Сан-Диего перестал существовать. Вместе с семьями тех, кто сомневался. И самими сомневающимися.

Полгода они просидели в тех горах. Сотня человек с семьями, набившихся в старый дом и сараи. Тесно, голодно, страшно — зато живы. Запасы, правда, таяли, охотой столько ртов не прокормить. К весне стало ясно: надо уходить.

Коул повёл их к морю. Не наобум, он до этого лично ходил на разведку. Сан-Диего был мёртв, сплошь стекло и пепел. Но севернее он кое-что нашёл. Бывший парк развлечений, где когда-то кормили дельфинов, умудрился уцелеть. При нём сохранился искусственный залив. И даже несколько островков, где можно жить и ловить рыбу. По новым меркам, идеальное место для жизни.

Только вот они оказались не одни. На юге, в Мексике, была Энсенада. Почти не пострадавший портовый город, попавший после Трёх дней Войны под власть картелей.

Картели смотрели на север голодными глазами. Рабы, рабыни, территории... Они пришли на кораблях, с оружием, уверенные в победе. И нарвались на «котиков» и морпехов, которым нечего было терять.

Бой шёл на парковках, среди замерших аттракционов и выцветших плакатов с улыбающимися косатками. Американцы дрались как бешеные, поливая каждый метр кровью. За спиной у них были семьи. И новый дом. Отдавать который они не собирались.

Понесся тяжёлые потери, картель откатился. Но Коул знал: они вернуться. Нужно было действовать.

Ночью, на лодках, горстка отчаянных ушла на юг. «Котики» делали то, чему учились годами: проникновение, захват, отход. Они ворвались в порт Энсенады, угнали корабли — сколько смогли увести. Подожгли склады, рванули причал. Ушли на север с добычей и оружием.

«Los Muertos», «мертвецы» — так их прозвали в Мексике. Прошедшие сквозь Войну и Пустошь. Выстоявшие в жестокой схватке с превосходящими силами. И победившие! О них говорили со страхом, потом — с уважением. С мертвецами не воюют. С ними договариваются.

Из этого вырос Харбор. Корабли, торговля, власть над побережьем. Двадцать лет Коул его строил. Потом сдал, умер. К власти пришёл его сын.

— Нейтан, значит, — повторил Пустоброд. — И как он?

Коннор пожал плечами:

— Да нормально. Торгует, рулит. Не отец, конечно, но ничего.

— А Рэй? Всё так же в своей деревне?

— Умер Рэй недавно, — покачал головой Коннор. — А деревня стоит, да. Как были чудиками, так и остались.

— Ясно...

Мимо промелькнул выгоревший дорожный знак. «Лос-Анджелес — 5 миль». Пустоброд напрягся.

— Через город пойдём? Может, в объезд?

— Времени нет, и горючка кончается. — Коннор порылся под сиденьем, протянул выдавший виды армейский противогаз:

— Надень. На всякий случай.

Пустоброд спорить не стал, натянул бесполезную маску. Все знают, что от Хвори она, если что, не защитит. И если пешком идёшь или на лошадях, то лучше не поленишься и обогнуть. Здоровее будешь.

Колонна прибавила ходу. Утробно загудел мотор. Коннор похлопал по плечу, показал большой палец. Пустоброд кивнул и отвернулся, стараясь не думать о плохом.

Никто не знает, что такое Хворь. Лекарств от неё нет. Противогазы никакие не спасают. От неё вообще ничто не спасает.

После Войны Лос-Анджелес почти не пострадал. Что-то туда попало, но город стоял целёхонький. Туда бросились — толпами, десятками тысяч. Поселились, успели даже подрасться за территорию. Пока не обнаружили первые заболевшие.

Оттуда бежали. Кашляя и харкая кровью. Их не подпускали к поселениям. Расстреливали. Готовились к вспышкам заразы.

Только вот ничего не случилось.

Спустя несколько лет Харбор попробовал заселить город снова. Умерли все, без исключения. И снова зараза не пошла дальше. Словно на поводке каком-то сидела.

Ходили слухи, что это неспроста. Что на Лос-Анджелес сбросили что-то особенное, делающее землю непригодной для жизни. Навсегда. Чтобы враг не мог занять территорию, даже если победит.

«Оружие воспреещения доступа», — сказал бы отец. Может, и так. Какая теперь разница? Ещё одно место, куда нельзя соваться. Ещё одна точка на карте.

Город миновали через два часа. Сняли маски, вздохнули с облегчением. Коннор достал бутылку. Плеснул на маску, протёр грязной тряпкой. Запахло спиртом. Пустоброд иронично хрюкнул.

— Нечего ржать, — серьёзно сказал Коннор. — Никогда не знаешь.

— Извини, — взял себя в руки Пустоброд. — Я понимаю.

Проехали ещё пару часов по побережью. По правую руку замелькал океан.

— А ты про подлодку слыхал? — спросил вдруг Коннор.

— Чего?

— Лет десять назад к Харбору подлодку прибило. Не нашу — евразийскую. Из народного союза, или как их там. Красные, короче.

— Да ладно! — хохотнул Пустоброд.

Коннор набычился:

— Я серьёзно. Чуть выход из залива не перекрыла, такой шухер поднялся... Ну, её на бордаж, вскрыли. А там мертвецы одни. И капитан застрелившийся. Люки ракетные открыты — по нам, сволочи, били. Реактор заглушен, где сорок лет болтались — чёрт их знает. В общем, такая история.

Ближе к вечеру замелькали указатели. Ржавые, простреленные, но ещё читаемые. «Сан-Диего — 30 миль». Потом — «Мишн-Бэй». Потом — «Си-Уорлд-драйв, следующий съезд».

— Почти дома, — сказал Коннор и свернул на развязку.

Восьмёрка. Континентальная-8, уходящая на восток, к пустыне. Здесь асфальт был получше — латали, следили. Харбор берёт свои дороги.

Колонна сбросила скорость. Впереди показались ворота: массивные, сваренные из корабельной стали и кусков бетонных плит. По бокам — вышки с пулемётами. На одной лениво курил часовой, на другой торчал прожектор размером с бочку.

Над воротами висела старая вывеска. Выцветшая, облупившаяся, но всё ещё узнаваемая: синие буквы на белом фоне, силуэт косатки, выпрыгивающей из воды. «Морской мир» — так назывался этот парк до Войны. Сюда привозили детей смотреть на дельфинов и китов.

Рядом, на высоком флагштоке, полоскался флаг. Пустоброд смотрел на него и чувствовал странное — не то ностальгию, не то тоску. Красные и белые полосы, синий угол. Три крупные звезды треугольником — и над ними, полукругом, россыпь мелких. Флаг Континентальных Федеративных Штатов. Страны, которой давно уже нет.

— Боже, храни Америку, — пробормотал Коннор. Пустоброд на него покосился, но так и не понял — шутит тот или всерьёз.

Грузовик остановился у ворот. Подошёл охранник — молодой, коренастый. Коннор протянул бумаги. Охранник глянул, кивнул, махнул рукой. За стеной загудели моторы. Ворота со скрежетом поползли в стороны.

— Добро пожаловать в Харбор, — сказал Коннор. — Не облажайся.

— Постараюсь.

Неподалёку прогудел входящий в залив корабль. Пахло морем, мазутом и чем-то тошнотворно-жареным.

Пустоброд вылез из кабины. Размялся, потянулся. Привычно показал страже рюкзак, отчитался, зачем пришёл.

— К Чифу? — Стражник окинул Пустоброда равнодушным взглядом. — Мостик вон там, по набережной. Не ошибёшься.

Пустоброд кивнул и пошёл, куда указали. Мимо ржавых аттракционов, мимо бассейнов. В одном, кажется, разводили рыбу. В другом сушились сети.

Мостик оказался приземистым двухэтажным зданием с широкими, частично заколоченными окнами. Над входом висел всё тот же флаг. У двери скучал охранник — молодой, сытый, в чистенькой форме.

— К Чифу, — сказал Пустоброд. — Пакет из Бей-Сити. Срочно.

Охранник зевнул.

— Чифа нет. Будет завтра.

— Когда завтра?

— Когда будет. — Парень посмотрел сквозь Пустоброда. — Приходи утром.

— Послушай, — Пустоброд шагнул ближе. — Я тащился сюда тысячу миль. Официальная корреспонденция. Печать видишь?

— Вижу. — Охранник даже не глянул. — Завтра утром. Часов в девять. Может, в десять.

— Мне сказали — срочно.

— Всем срочно. — Парень снова зевнул. — Ещё вопросы?

Пустоброду ужасно захотелось двинуть ему в зубы. Но это Харбор, не Пустошь. Здесь порядки. И тюрьмы.

— Где тут можно переночевать?

— В городе? — Охранник хмыкнул. — Нигде. Всё караванщиками занято. Ты с Луны, что ли, свалился?

— И что, на улице спать?

— Можешь в Хоуп сходить. Тут рядом, полчаса пешком. — В голосе охранника мелькнуло что-то похожее на усмешку. — Они помогут, койку дадут. Добренькие.

Пустоброд нахмурился. Только этих ему ещё не хватало.

— Слушай. — Он смягчился. — Мне бы хоть где. До завтра. Я заплачу, не проблема.

Охранник вздохнул.

— Да говорю же тебе, ничего нет.

— А если на улице? Одну ночь. Могу здесь устроиться, заодно тебе помощь.

— Ты дурак? Хочешь, чтобы тебя за бродяжничество приняли?

Пустоброд скрипнул зубами. В деревню идти отчаянно не хотелось.

— Я тебе говорю: приходи завтра. — Охранник повысил голос и положил руку на дубинку. — Или полицию вызову. Там не посмотрят, что ты курьер.

— Да понял я, понял.

— Вот раз понял, так и вали.

Ну и чёрт с ним, подумал Пустоброд. Деревня — так деревня. Может, и лучше, чем в городе кантоваться. А уж если на хвосте висит Моретти — то вообще, единственный вариант.

Он пошёл по набережной: мимо домов, складов, мимо шумного кабака. В нос ударил запах жареного мяса, но Пустоброд сдержался, не стал заходить. Перебьётся консервами, или поест у чудиков. Ему сейчас и правда лучше не светиться.

Он дошёл до моста, ведущего через залив на соседний островок. Мост был высоким, бетонным, со следами стёршегося асфальта и разметки. Кое-где он прохудился. Сквозь дыры виднелась арматура и тёмная вода залива, по которой плыл сейчас очередной корабль.

На мосту почти никого не было, если не считать какого-то мужика, отчаянно махавшего кораблю. То ли знак подавал, то ли просто знакомый — чёрт его знает. Корабль дуднул, мужик в ответ что-то весело крикнул. Комедия. Пустоброд прошёл мимо, не оглядываясь.

Больше он на мосту никого не встретил. Так и дошёл — до неприметной жестяной таблички, аккуратно прибитой к старинному фонарному столбу.

«Хоуп. Основан: 2054. Население: 212».

«212» выведено мелом, аккуратными, красивыми цифрами. Было видно, что их не раз стирали и перекрашивали. Будто это имело какое-то значение.

Чудики.

У таблички Пустоброд помедлил, словно с духом собирался. Шагнул, словно пересёк невидимую черту. Огляделся.

Хоуп изменился с тех пор, как он тут был. Давным-давно, ещё с отцом. В той, старой жизни.

Узнают, не узнают? Конечно, не узнают! Двадцать лет прошло, Рэй ещё живой был, а он, Пустоброд, совсем пацаном. Да и не с ним тогда спор случился. Это отец с Рэем разбирались.

«Плохо кончите», — сказал он отцу. И как в воду глядел. Хоть Пустоброд тогда ничего и не понял.

Кругом стояли домики: простенькие, но аккуратные. Не хибары. На белёных дощатых стенах сушились сети. Рядом, на берегу, лежали вверх днищем несколько стареньких лодок.

Вокруг, как назло, никого не было. Только на берегу копошилась у лодки рыжая девушка. Пустоброд ещё раз огляделся. Ни гостиницы, ни вывесок. Ничего. Зря он сюда пришёлся. Проще на мосту переночевать.

Он повернулся. Шагнул обратно. И тут же услышал за спиной:

— Вам помочь?

Девушка подошла, улыбнулась приветливо. Вытерла руку о штаны и протянула Пустоброду влажную ладошку.

— Мелисса.

— Пустоброд.

Девушка хихикнула. Окинула с ног до головы весёлым взглядом.

— Чем могу помочь, господин Пустоброд?

— Мне нужно переночевать. Одна ночь. Гостиница у вас есть? Комната, койка?

Он увидел, что девушка молчит и добавил:

— Я заплачу, не проблема. И поесть бы неплохо.

Девушка ещё помолчала, словно сомневалась. Потом сказала, уже по-деловому:

— Идёмте за мной.

Она привела его в какую-то избу. Пустоброд думал: гостиница, но это, похоже, была местная администрация.

Внутри никого не было, но Мелиссу это не смутило. Она нырнула за стойку, извлекла снизу толстую книгу. Пролистала страницы, ткнула куда-то пальцем. Подняла на Пустоброда глаза.

— Вы вооружены?

Пустоброд молча продемонстрировал кольт и нож.

— У нас с этим строго, — сказала девушка. — Придётся сдать.

Пустоброд достал посылку, показал печать.

— Я курьер. С официальным поручением. Оружие — для самообороны. Сдавать не положено.

Девушка снова задумалась. Хмыкнула, посмотрела внимательно. Глянула ещё раз на пакет.

— Ну хорошо, господин курьер. Тогда мне потребуется ваше имя.

— Эрик. Меня зовут Эрик.

— Полное имя, пожалуйста. — Девушка уже записывала в книгу.

— Эрик... Морган.

— Отлично.

Она схватила какую-то бумажку. Быстро заполнила, шлёпнула печать. Протянула Пустоброду квитанцию.

— С вас три доллара. За постой.

Пустоброд положил на стойку серебряную монету. Девушка удивилась:

— Три доллара, сэр. Бумажных.

Пустоброд ткнул в монету пальцем и молча придвинул к девице.

— Читайте это платой за... анонимность. Не хочу, чтобы про меня здесь болтали. Понимаете?

Девушка пожала плечами. Опустила монету в прорезь сейфа, выписала новую квитанцию. Протянула Пустоброду:

— Возьмите.

Пустоброд опешил. Уточнил:

— А... вы здесь работаете?

— Мы все здесь работаем. Идёмте.

— Куда?

— За мной.

Они вышли. Двинулись куда-то узкой улочкой, мимо курящихся труб и горящих окошек, застеклённых чем попало. Мимо промчалась стайка ребятишек. Прошла какая-то женщина

с корзиной белья. Она бросила на Пустоброта взгляд, но спрашивать не стала. Кивнула Мелиссе и не спеша пошла дальше, покачивая полными бёдрами.

— Сюда.

Мелисса открыла дверь какого-то домика, пропустила Пустоброта внутрь. Провела через прихожую, кухню с печкой. Открыла покосившуюся дверь в маленькую комнатку с топчаном в углу.

— Здесь будете спать. Я принесу бельё и приготовлю ужин. Рукомойник во дворе, удобства там же. Завтра утром я уйду на работу к девяти. Вы успеете собраться?

— Я... Что? — Пустоброт тупо уставился на Мелиссу. — Это ваш дом, что ли?

— Ну да, — пожала плечами Мелисса. — Где-то же надо вас расположить. Почему не здесь?

Чудики. Правильно их отец окрестил, когда с острова уходили.

— А... Вы меня не боитесь? Совсем?

— В Хоупе умеют за себя постоять, — спокойно ответила девушка. — А что, собираетесь что-то устроить?

— Да нет, просто... Почему к вам? Почему не к кому-то другому, покрепче?

— Потому что у меня есть свободная комната. — Мелисса пожала плечами, словно объясняла очевидное. — Потому что на бандита вы не похожи. А ещё потому, что если что-то выкинете, от наших вам не уйти. Вы, кстати, в курсе, что законы Харбора здесь не действуют? У нас автономия. Вы знаете, что такое автономия?

— Удивительно, что вы знаете, — буркнул Пустоброт.

— В школе хорошо училась, — улыбнулась Мелисса. — А вы голодный, потому и ворчите. Пирог с рыбой будете?

— Не откажусь.

Пустоброту стало неловко. Человек в дом пустил, а он себя ведёт как... рейдер неотёсанный.

Мелисса принесла холодный пирог, накрытый полотенцем. Пустоброт попробовал. И только сейчас понял, насколько проголодался.

— Вы не беспокойтесь, — сказал он, прожевав здоровенный кусок. — Я ничего такого не собираюсь. Просто спросил. Брякнул, не подумав.

— Я не беспокоюсь. — Мелисса положила на тарелку остаток пирога, придвинула его Пустоброту. — Вы ешьте, ешьте.

— А вы?

— Я не голодна. Поздно обедала.

— Ну уж нет.

Он решительно взял нож и разрезал кусок на две неровные половины. Себе взял маленькую, большую протянул Мелиссе:

— Я настаиваю.

Мелисса взяла кусочек. Пожевала, с интересом глядя на Пустоброта. Спросила:

— А вы откуда? Если, конечно, не секрет.

— Не секрет. С севера. Я живу в Бей-Сити, это на западе от Портленда. Вы знаете, где находился Портленд?

— Знаю, конечно. В школе мы учили географию.

— В Харборе?

— Здесь.

— Здесь? — Пустоброд поперхнулся. — У вас же...

— Маленькая деревня? — Мелисса улыбнулась. — Вы договаривайте.

— Простите...

— Ничего страшного, я понимаю. Кстати, в харборскую школу нас не берут. Да и местных учат вовсе не бесплатно.

— А у вас... бесплатно?

— У нас... иначе немного. Вам сложно будет.

Она встала и развела в печке огонь. Поставила чайник. От сытости Пустоброд разомлел.

— Всё-таки объясните. Что у вас за место такое волшебное.

— Да какое же оно волшебное? — Мелисса села, кутаясь в старый плед. — Обычное место. Просто живём по-другому.

— В Харборе вас не любят?

Мелисса покачала головой.

— Это из-за Рэя Дэвиса, нашего основателя. Всё случилось, когда Дуйэн умер. Первый Чиф.

— Я знаю про Чифа.

— Тогда вы должны знать, что Рэй был недоволен тем, что творилось в Харборе.

— Про это я тоже знаю, — кивнул Пустоброд. — Город основали вместе, а потом дорожки разошлись. Я был в Харборе... давно, проездом. Слышал эту историю, но не вникал. В Харборе говорят, Рэй Дэвис хотел стать Чифом. А потом, когда не вышло, решил править хоть бы и маленьким островком.

— Чуть, — поморщилась Мелисса. — И ложь. Рэй ушёл не потому, что хотел править. А потому что видел, что творится в городе. За Харбор воевали все. А вышло так, что достался он немногим. Понимаете?

— Не очень.

Мелисса вздохнула. Разлила по чашкам кипяток, добавила ложку ароматной травы. Пустоброд отхлебнул. Вкус напомнил Уилламину и Бена.

— Когда напал картель, Дуэйн и Рэй отбили атаку, а затем пригнали в город корабли. Про это вы знаете?

— Угу.

— Корабли должны были служить всем. Всеми городу. — Мелисса отпила из чашки. — Этого хотел не Рэй, а сам Дуэйн Коул. Только вышло иначе: делёжка, грязь и убийства. Корабли достались немногим, они и стали хозяевами. Рэй протестовал. Говорил об этом на мостике, городском совете. Но его никто не слушал. На кону стояли очень большие деньги.

Пустоброд хмыкнул:

— Так всегда бывает. Ничего удивительного.

Мелисса грустно улыбнулась:

— Вот и Дуэйн так сказал, уже при смерти. Они тогда крепко поругались, и Рэй ушёл на остров вместе с теми, кто разочаровался в Харборе. Они запомнили тот урок с кораблями. Теперь у нас не так.

— А как?

— Общая касса. — Мелисса грела руки о чашку. — Управляем сообща, по жребию. Каждый, что может — то и делает. Я вот вас приютила. А плата деревне пойдёт.

— А себе что, не хочется? — удивился Пустоброд.

— А зачем? — пожала плечами девушка. — На жизнь мне хватает: деревня платит каждому. Сколько и кому — мы сами решаем. Можно, наверное, приворовывать... Только глупо. И перед людьми стыдно.

— Да вы прямо... красные, — удивился Пустоброд.

Мелисса нахмурилась. Отставила чашку.

— Не произносите здесь этого слова. Никогда. Рэй запретил. И людям оно не нравится.

— Почему?

— Потому что когда Нейтан Коул назвал Рэя «красным», тот разбил ему лицо. Рэй не красный. И мы не красные. Красные начали войну. Всё уничтожили. Из-за какого-то несчастного острова...

— Колд-Бей.

— Что?

— Остров так назывался, — объяснил Пустоброд. — На севере, у их границ. «Алеутский кризис», кажется. Я... в старой газете видел.

— Да какая теперь разница, — отмахнулась Мелисса. — Главное, что...

— Вы меня простите, — перебил Пустоброд. — Я, пожалуй, спать пойду.

Он поднялся. Шагнул было в комнату, но на полпути остановился. В груди закипало раздражение: на себя, на чудиков. И отдельно — на Мелиссу.

— Как у вас просто. — Он повернулся. — Мир, дружба, балалайка. Ну хорошо, в одной деревушке ещё можно. Только вот Пустошь, дамочка, — она побольше и пострашней. Это тут вы под крылышком Харбора устроились.

Мелисса вспыхнула. Хотела что-то ответить, но Пустоброд прервал её жестом.

— Не будем спорить. Завтра с утра я уйду. Благодарю за гостеприимство. И доброй ночи.

Мелисса молча встала и принялась убирать посуду. Пустоброд прикрыл дверь, лёг на топчан. Поворочался.

Странная деревня не шла из головы. «Хоуп». «Надежда». Название-то какое! Корабли. Рэй Дэвис. «Мы не красные». Да хоть зелёные!

Звякнула в раковине посуда. Зажурчала тонкой струйкой из ковшика вода.

Чёртова девчонка. Чёртова деревня. Чёртов пакет. Чёртов мир!

Завтра же он уберётся отсюда.

На этой мысли Пустоброд и уснул.

Глава 4 — Дым над заливом

Он проснулся ещё затемно. Одеваться не стал — так и спал одетым. Машинально проверил оружие, рюкзак. Всё на месте. Нетронута. Можно уходить.

На кухне было пусто: Мелисса спала в соседней комнате. Тем лучше. Прощаться не хотелось от слова «совсем». Да и не вернётся он больше сюда, это точно. Он вообще на юг больше не вернётся.

Деревня уже проснулась: что с них взять, рыбаки. Кругом сновали люди, даже дети уже бегали. Пустоброд шёл молча, глядя прямо перед собой. Его провожали взглядами, но не подходили.

На мосту опять кто-то сидел. Не рыбак, не караванщик — бомжеватого вида старик. В выпцветшем балахоне, босой, с длинными седыми космами. Сидя в проломе парапета, он смотрел на воду, свесив с края моста худые грязные ноги. Рядом лежала котомка и палка — то ли посох, то ли клюка.

Пустоброд не любил бомжей, даром что сам бродяга. Бомж — это дно. Тот, кто сдался. А Пустоброд не сдавался. Никогда.

Он опустил глаза. Хотел пройти мимо, но старик вдруг поднял голову.

— Тяжело, да?

Пустоброд остановился. Глянул на деда. Глаза у того были странные — светлые, почти белёдые. Как у слепого. Только он явно не слепой. Смотрел прямо, даже с вызовом немного. И слишком спокойно для бомжа.

— Чего тебе?

— Ничего. — Старик пожал костлявыми плечами. — Просто вижу. Устал ты. Надоело. Каждый день выживать. По ночам не спать. Понимаю.

— Ты кто такой?

— Никто. — Старик улыбнулся беззубо. — Могу помочь, если хочешь. Увести. Туда, где всего этого не было. Ещё не было.

— Куда — туда?

— В прошлое. До Войны. — Старик сказал это буднично, словно о погоде. — Проживёшь жизнь. Нормальную, человеческую. Состаришься, умрёшь в своей постели. В настоящей, с простынями. Помнишь, какие бывают простыни?

Пустоброд хмыкнул.

— Псих.

— Может, и псих, — не обиделся старик. — А может, и нет. Тебе решать. Но подумай вот о чём: ты ведь не живёшь — существуешь. Каждый день — до следующего. Каждую ночь — до рассвета. И так пока не сдохнешь. Какой в этом смысл?

— А в твоём прошлом — есть смысл?

— Смысл в том, чтобы утром не хвататься за оружие. — Старик указал на кольт. — В завтраке, который не нужно отбирать. В людях, которые не хотят тебя убить. Этого разве мало?

— А в будущее? Тоже можешь? — усмехнулся Пустоброд.

— Будущее строить надо, — вздохнул старик. — А никто не хочет. Ты же вот не хочешь?

— Да пошёл ты. — Пустоброд отвернулся и двинулся дальше.

— Зря, — донеслось вслед. Тихо, без обиды. — Все сначала отказываются. Потом жалеют.

Пустоброд не ответил: шагал, нервно теребя лямку. И лишь на середине моста остановился как вкопанный.

Проводник!

Он резко обернулся. Мост был пуст. Только чайки кричали над водой, да внизу, в заливе, тяжело разворачивался очередной рыбацкий баркас.

Пустоброд подбежал к пролому. Глянул вниз: не сиганул ли старик в воду. Никого. Неужели, правда?..

Он ещё постоял, уставившись вниз. Тупо, невидяще. Мысли не шли. Вместо них нахлынула злость.

— А дети? — рявкнул Пустоброд в пустоту. — Мои, которые родятся? Я проживу, а они пусть горят? Пошёл ты, проводник. Сам беги в своё прошлое, понял?

Ему, конечно, не ответили, только ветер свистнул в проломах. Плюнув, Пустоброд подтянул рюкзак и пошёл дальше. Но ещё долго оглядывался. И ещё дольше — слишком долго — думал о простынях.

Было ещё рано, пришлось поболтаться по Харбору. Потолкался на оживлённой набережной, зашёл в пивную. Постоял у причала, наблюдая, как от Хоупа отгребают лодки. В заливе не рыбачат, тянутся к выходу в океан. Смелые.

Или придурки. А может, и то, и другое.

У причала он встретил нищего. Ещё один старик в оборванной, но чистой форме сидел на картонке, положив перед собой потёртую фуражку. На фуражке виднелась потускневшая эмблема: орёл, глобус и якорь. Морская пехота. Пустоброд сразу узнал.

Этот — не бомж. Солдат. Другое. Отец учил: своих не обходят. Пустоброд и не обошёл.

Он остановился. Достал из кармана мелочь, бросил в фуражку. Старик поднял глаза — серые, ясные. Улыбнулся щербатым ртом.

— Благодарю, сынок. — Его голос звучал хрипло и надтреснуто. — Редко кто останавливается.

— Служил?

— А то. — Старик усмехнулся. — С самого начала. Ещё когда тут ничего не было. Кроме развалин.

Пустоброд присел на корточки. Положил в фуражку купюру.

— Расскажи.

Старик помолчал. Потом заговорил — медленно, с хрипловатой одышкой:

— Мы пришли сюда почти сразу после Войны. Голодные. Оборванные. Бабы, дети. Думали — всё, кранты. А Коул сказал: будем строить. И мы строили. Руками, сынок. Голыми руками.

Он кивнул на канал, где разворачивался баркас. Со стороны океана входил буксир, толкая перед собой ржавую баржу. На ней громоздились контейнеры, какие-то тюки, укрытые брезентом. Мексиканский товар. Ценность. На севере так вообще с руками оторвут.

— Видишь, какие посудины ходят? А раньше тут лодка брюхом скребла. Мелко было, по пояс, мы два года канал долбили. Драгу из Энсенады притащили. Чинили на ходу, запчасти сами ковали. Думали — сдохнем. Не сдохли.

— А потом?

— Потом корабли пошли. Торговля. Деньги. — Старик погрузился. — Мне не досталось. Куда уж мне. Нанялся на судно, к другу. Вместе в Энсенату ходили. Потом друг разорился. Продал всё. А новый хозяин... Я его знал, воевали вместе. Попёр он меня, сынок. Вот так. Я работал, перебивался. Потом здоровье пошаливать стало: сердце. А кому я больной нужен? Коли тут молодых хватает?

Он горестно замолчал, отвернулся. Смахнул что-то со щеки.

— Коул, покойник, хотел ведь по-честному. Только не вышло у него. Одни жируют, другие вкальывают. Всегда так было. Всегда...

Пустоброд молча добавил пару купюр. Спросил:

— А почему не уйдёшь? В Хоуп, к примеру.

Старик покачал головой.

— Это мой город. Я его строил, здесь и помру. *Semper Fi*, сынок. Не бросают своих, если что-то не нравится.

«*Semper Fi*», девиз морпехов. «Всегда верен». У отца служили такие ребята.

Какая-то девица, не глядя, чуть о них не запнулась. Прошипела что-то про «попрошаек». Пустоброд в ответ глянул так, что девица побледнела и растворилась в снующей по набережной толпе.

— А правда, что Нейтан, Чиф ваш, с Рэем подрался?

— Сам видел, — кивнул нищий. — Нейтан ему говорит: мол, красный ты. И Хоуп ваш — колхоз, как у евразийцев. А Рэй ему за такое в рожу. Я, говорит, не красный. Просто не слепой. Ну, Нейтан в крик, про Америку, свободу. А Рэй говорит: я за Америку кровь лил, когда ты мамкину титьку сосал. И про свободу мне не заливай. Где она, свобода, для тех, кому в Харборе жрать нечего? И ушёл. И с тех пор в городе не появлялся.

— А дальше что?

— А дальше... — Старик вздохнул. — Скандал был, Нейтан чуть не блокаду ввести грозился. Потом утихомирился, остыл. Рэй — герой, а он его «красным». В общем, договорились. Торгуют помаленьку. Харбор к ним не лезет, они сюда. Такая история, сынок.

Часы на ратуше пробили девять. Пустоброд попрощался со стариком, кинул ещё пару монет и отправился к зданию мостика.

В этот раз Нейтан оказался на месте. Охранник был другой, Пустоброда пропустил без особых вопросов. Он зашёл, прошёл по коридору. Поднялся по лестнице на второй этаж. Постучал.

Нейтан оказался примерно таким, как он и представлял: крепкий лысеющий дядька средних лет, с тяжёлым подбородком и цепким взглядом. Поверх чистой рубашки — новенький кожаный жилет. Редущие волосинки аккуратно расчёсаны.

На стенах были развешаны карты и пробковая доска с приколотыми записками. Низкий стеллаж заставлен папками, банками и какими-то коробками. Нормальный кабинет, рабочий. Не для понтов — для дела. У Гуннара такой же.

Чиф сидел за столом и что-то писал. Глянул на Пустоброда: быстро, оценивающе. Задержался глазами на пакете. Протянул руку:

— Давай.

Пустоброд отдал. Нейтан повертел пакет, глянул на печать. Хмыкнул. Достал из ящика нож, аккуратно вскрыл. Потом подумал и бросил коротко:

— Выйди.

Пустоброд вышел. Встал у двери. Подошла тётка с папками, постучалась, просунула голову. Нейтан рявкнул, так что тётка умчалась чуть ли не в слезах. Пустоброд хмыкнул, проводил её взглядом. Стучаться и сразу входить — привычка дурная. Его от этого отучили давно.

Прошло, наверное, с полчаса. Пустоброд переминался с ноги на ногу, считал минуты. Стоять надоело, но что поделаешь. Иногда нужно просто ждать. И не такое иногда приходится.

Наконец дверь распахнулась. На пороге стоял Нейтан:

— Заходи.

Пустоброд ждал, что ему вручат пакет с ответным посланием. Но ничего такого не было. Не в этот раз.

— Передашь боссу, что мы подумаем, — только и сказал Чиф.

— Это всё?

Нейтан набычился, смерил гостя взглядом.

— А чего ты хотел? Благодарственного письма с печатью города? Обойдётся.

— Мне ничего не требуется, — ровным голосом ответил Пустоброд. — Благодарю за приём. Я могу идти?

— Иди.

Пустоброд повернулся. Шагнул за порог. И тут же согнулся от сильного удара в живот.

Его повалили на пол. Скрутили. Вырвали рюкзак, кольт, нож. Обшарили профессионально карманы.

Двое. Здоровые, хваткие. Пустоброд не сопротивлялся. Бесполезно.

— Чисто, — сказал один: мускулистый, чернокожий, в разгрузке поверх чёрной футболки.

Нейтан кивнул:

— Поднимите его. И вниз.

Его стащили по лестнице. Затем по ещё одной — в подвал. Нейтан шёл рядом. На Пустоброда Чиф даже не смотрел.

А лихо он. Задержал, вызвал охрану. Может, по телефону, в Харборе есть и такое. А может, просто поджидали. Какая теперь разница.

Его усадили на стул. Стянули за спиной руки, смотрели скотчем. Рюкзак положили на стол напротив. Там же встал Нейтан.

— Что это значит? — Пустоброд старался говорить спокойно, чтобы не обострять. Хотя куда уже обострять.

Нейтан усмехнулся, покачал головой. Провёл ладонью по лысине.

— Давно под Гуннаром?

— Какое это имеет значение?

— Имеет. — Нейтан взял рюкзак и взвесил его в руке. — Гуннар про тебя много чего писал. Надёжный, говорит. Проверенный. И кое-что интересное с собой таскает.

Пустоброд похолодел.

Нейтан кивнул охраннику. Тот взял рюкзак, вытряхнул содержимое. Консервы, сухая одежда, фляга. Потом достал нож, начал прощупывать швы. Будто знал, где искать.

Двойное дно отошло с сухим треском. На стол легло содержимое тайника.

— Ого, — тихо сказал Нейтан. — Это то, что я думаю?

Пустоброд молчал. В голове стучало: знал. Гуннар знал. И сдал с потрохами, тварь.

— Твой босс умеет делать подарки. Ты, кстати, тоже его часть. — Нейтан повертел находку в руках. — Только вот незадача...

Он опёрся ладонями на стол. Глянул — почти сочувственно.

— Моретти вышел на меня раньше. И предложил больше. Понимаешь?

Моретти. Всё-таки Моретти!

— Так что подарочек твоего босса я, конечно, приму. — Нейтан усмехнулся. — А вот сделка не состоится. Зато с тобой может состояться другая.

— Какая?

— Гуннар, — ласково сказал Нейтан. — Он всем мешает. Моретти, мне... Вернёшься, сделаешь дело — получишь всё, что Торсен обещал. И игрушку верну. И уйдёшь свободным.

— Нет.

— Нет? — Нейтан приподнял бровь. — Он тебя сдал, дурак. Со всеми потрохами. А ты его выгораживаешь?

— Я не выгораживаю. Но убивать не буду.

— Принципиальный, значит. — Чиф вздохнул. — Ладно. Посиди, подумай. Может, к утру поумнеешь.

В голове вихрем неслись мысли. Гуннар сдал. Что при таких раскладах вполне логично. В Пустоши и другие пустоброды есть, а Харбор один. И Энсенада одна. Хреново, очень хреново. И то, что сдал, и то, что узнал про тайник. Марти? Или нанял кого? Гуннар умеет играть вдолгую. Ай, да Гуннар!

Он пошевелил затёкшими кистями. Попросил:

— Руки хоть освободите. Куда я денусь?

Чиф кивнул, щёлкнул пальцами. Скотч разрезали. Пустоброд сжал кулаки, потёр, морщась, запястья. Прислушался. Ему показалось, что наверху что-то тихонько простучало.

— Я могу работать на вас, — предложил он. — Мне всё равно некуда идти.

— Хорошее предложение, но нет, — улыбнулся Нейтан. — Мне нужны гарантии. Иначе ты либо сбежишь, либо предашь.

— А если убью Гуннара — не предам?

— Докажешь свою серьёзность. И потом, бродяг у меня вагон. — Нейтан картинно зевнул. — А вот убить Торсена можешь ты один. Другого он к себе не подпустит.

— Как я объясню своё возвращение?

— Что-нибудь придумаем. Например, что сбежал.

— А если правда сбегу?

— Ну и ладно. — Нейтан пожал плечами. — Игрушка твоя достанется мне. А ты будешь бродить по Пустоши, пока не сдохнешь. И ждать пули — от меня, Гуннара, или Койотов. За хорошие деньги они с радостью тебя найдут и выпотрошат.

Пустоброд лихорадочно соображал. Торсен — сукин сын, но убивать его против правил. В Пустоши после такого никто руки не подаст. Да и с души, если честно, воротит.

Север закрыт. Юг тоже. Остаётся восток, но это через Койотов и Техас. Можно, конечно, по Мексике: до Тампико, оттуда с пересадками кораблём до Флориды. Пассажиров в Техасе не трогают. Но по Мексике ещё надо пройти...

Чёрт!

И всё равно надо вырваться. Любой ценой. Наобещать с три короба. Потому что иначе...

— Я согласен.

Чиф кивнул, улыбнулся победно.

— Вот и хорошо. Детали обсудим за...

В дверь забарабанили.

— Открой, — кивнул охраннику Нейтан.

Дверь распахнулась, внутрь влетел стражник. Тот самый, коренастый, что встречал Пустоброда и Коннора на воротах. Рот открыт, глаза — с серебряный доллар. Потный, бледный, будто привидение увидел. И трясётся. Мать честная!

— Что такое? — нахмурился Нейтан.

— К-Койоты.

Снаружи снова донёлся дробный стук. Пулемёт! Даже несколько.

— Что — «Койоты»? — рявкнул Нейтан. — Яснее излагай! Денег хотят? Мы же в прошлом мес...

— Ничего они не хотят, — выдохнул коренастый. — Прут толпой. Сотни, может, больше. С техникой, с бронёй, чуть не с артиллерией. Это не набег, Чиф. Это война!

— А катера? — Нейтан схватил стражника за грудки. — Где катера, чёрт возьми?! И Томми со своими парнями?

— Ушли. — Коренастый слотнул. — Как увидели Койотов — ушли. В залив, к океану. И катера, и Томми.

Нейтан отпустил его. Отступил. Побледнел, потом посерел.

Три ударных катера — главная сила Харбора на воде. И наёмники: хорошо вооружённые, оплаченные. Первые, кто вступает в бой и первые же, кто сваливают, когда запахло жареным. С Койотами не воюют — себе дороже. Проще уйти и переждать.

— Сторожи его, — кивнул Нейтан чернокожему и выбежал. Второй охранник торопливо последовал за ним.

Чернокожий встал у двери, скрестил руки. В руках автомат, лицо каменное. Работает человек.

Снаружи грохотало всё громче. Пулемёты, крики, что-то рвануло.

Пустоброд посмотрел на стол. Рюкзак, нож, кольт. И то, что лежало в тайнике. Всё рядом. Только руку протяни. Если бы только не этот...

— Как тебя зовут? — спросил он.

Охранник не ответил. Только зыркнул — заткнись, мол.

— Слышишь, что там творится?

Молчание.

— Койоты весь город сносят. — Пустоброд говорил спокойно, почти дружески. — Думаешь, Нейтан вернётся? Думаешь, ты ему нужен?

Охранник оскалился. Но промолчал.

— Ты наёмник. Тебе платят за работу, не за смерть. — Пустоброд кивнул на потолок, где снова что-то громыхнуло. — А там сейчас смерть. И она сюда идёт.

— Заткнись!

— Нейтан сбежит первым. Он такой. А у тебя семья. Ведь есть же, правда?

Охранник стиснул челюсти. Глянул свирепо.

— Тогда подумай о них. Кому ты нужен мёртвый?

Наверху рвануло так, что с потолка посыпалось. Охранник посмотрел на дверь. На Пустоброда. Снова на дверь.

— Уходи, — тихо сказал Пустоброд. — Я тебя не видел. Ты меня не видел.

Секунда. Две. Три.

Чернокожий выругался сквозь зубы. Шагнул к двери. Обернулся.

— Удачи.

Пустоброд рванулся к столу. Закинул в рюкзак пожитки, нацепил кобуру. То, что было в тайнике, убрал в карман плаща. Не дай бог, если пригодится.

Теперь надо уходить. Срочно. С Койотами Чиф договорится, тут явно непонимание вышло. Постреляют и уйдут. Бизнес у них такой.

То, что это не бизнес, Пустоброд понял, лишь когда выскочил на улицу.

Ворота — те самые, сваренные из корабельной стали — лежали на земле, смятые, искорёженные. В проломе догорали остатки грузовика. Адская машина. Древний, но надёжный способ.

Вышки молчали, пулемёты бессильно задрали в небо стволы. Через перила со стены свешивалось тело. ещё одно лежало внизу, в луже чего-то тёмного.

У стены, на коленях, стояла охрана. Человек десять. Руки за головой, лица опущены. Над ними — двое Койотов с автоматами. Один спокойно курил.

Где-то справа ещё огрызались. Кажется, здание таможни. Сколько их там? Пятеро? Десяток? Храбрые ребята. Но глупые.

Один из Койотов вскинул на плечо трубу, прицелился. Труба дёрнулась, в воздухе просвистело — и стена таможни брызнула кирпичной крошкой. Ещё один выстрел. Взрыв. Крыша просела, повалил густой дым. Стрельба стихла.

Пустоброд обомлел. РПГ?! Да ещё два выстрела подряд? Они же в Пустоши на вес золота. Вот это ничего себе!

По улицам метались люди — кто с оружием, кто без. Визжала какая-то баба, волоча за руку ребёнка. Промчался мужик в трусах, с дробовиком наперевес. Куда — он сам, похоже, не знал. Короткая очередь — и он ткнулся лицом в асфальт. Койоты, тем временем, не спеша расходились по Харбору.

Камуфляж, разгрузки, автоматы. На головах — пыльные банданы, у некоторых — старые армейские каски. На рукавах — нашивки: оскаленный койот на красном фоне. Пустоброд знал эту эмблему. Слишком хорошо знал.

В заливе дымил траулер: накренился и чадил, оседая на корму. Остальные суда спешно отваливали от причалов, толкаясь, цепляя друг друга бортами. С пирса прыгали в воду люди, пытаясь догнать уходящую баржу. Парочке удалось. Остальных пристрелили прямо в воде.

Никто больше не сопротивлялся, даже не пытался. «Шок и трепет», Койоты знают в этом толк. Нет больше Los Muertos, что дрались до последнего. Прогнил Харбор. Прогнил и рухнул.

Пустоброд вжался в стену. Огляделся. До моста в Хоуп — минут десять, если бегом. Если очень повезёт.

Раздалась автоматная очередь. Послышался чей-то крик. Пустоброд чертыхнулся и быстро высунулся из укрытия. Посмотрел — и замер.

Дальше по улице сгоняли народ в колонну. Мужчин, женщин, детей. Связывали руки, цепляли друг к другу верёвками. Какой-то мужик упал — его ударили ботинком в бок.

Схватили за волосы, поставили, толкнули к остальным. Мужик дёрнулся, хотел что-то сказать. Кашлянул выстрел. Мужик осел, завалился на бок.

Рабы. Койоты торгуют рабами? Детьми?!

Пустоброд стиснул зубы. Осмотрелся внимательнее.

Через ворота не вариант, Койоты оттуда и пришли. На север, вдоль побережья — надо пробиваться через весь город.

Значит, всё-таки Хоуп. Через мост на остров, оттуда — лодкой на север. Или по второму мосту. Если он ещё живой.

Он скользнул в переулок. Узкий, заваленный мусором, воняющий гнилой рыбой. Зато пустой.

Дальше — вдоль стены склада. Пригнувшись, короткими перебежками. Но не спеша. Оглядываясь и прислушиваясь.

Впереди мелькнула тень. Пустоброд замер, вжался в угол. Мимо протопали двое Койотов. Его они не заметили.

Пустоброд выждал. Досчитал до десяти. Двинулся дальше.

За складами тянулся проулок. За проулком — дыра в заборе, он заметил её ещё утром. Машинально, по привычке. Он всегда такое замечал.

Он протиснулся в дыру. Оцарапал плечо, выругался беззвучно. Выбрался на задворки какой-то забегаловки. Пусто. Тихо. Только вдалеке — выстрелы и крики.

Мост был уже близко. Пустоброд видел его — серая бетонная полоса над тёмной водой.

Бежать. Надо бежать.

Но тут до слуха донеслись крики и возня.

Кричал ребёнок. Девочка. Пустоброд нашёл взглядом дом. Богатый, с красивым фасадом и сохранившейся довоенной мозаикой: улыбающийся дельфин, подбрасывающий носом мяч.

Он оглянулся на Койотов неподалёку. На мост. Выматерился и метнулся ко входу.

Снова раздался крик. Женский. И звук пощёчины.

— Заткнись!

Кричали сверху, со второго этажа. Пустоброд выхватил кольт и напружиненными ногами поднялся по лестнице. Дверь комнаты напротив была выбита. Пустоброд приблизился, заглянул внутрь.

В глаза сразу бросился висящий на стене медный якорь. Гильдия капитанов, член городского мостика. Теперь понятно, откуда роскошь. И всюду развешанные, довоенные ещё картины.

Девочка стояла напротив. Рядом — пузатый мужик с окладистой бородой. Отец. И двое Койотов — солдат с автоматом и второй: седой, с командирскими погонами.

Перед командиром, стоя на коленях, рыдала женщина — молодая красивая брюнетка. Её держали за волосы. Командир держал.

— Не трогайте нас... Пожалуйста! — всхлипывала женщина. — Я готова... Готова!

Девочка с ужасом наблюдала за происходящим. По бледному личику беззвучно текли слёзы.

— Мария, не надо, — попытался вмешаться мужик. — Я заплачу... сколько скажете!

Седой сделал жест. Молодой Койот подошёл к мужику и врезал ему прикладом в живот. Мужик охнул, согнулся. Девочка в голос зарыдала.

— Не переживай, мы скоро, — подмигнул ей командир.

Он рывком поставил женщину на ноги:

— Веди. Где тут у вас спальня?

Пустоброд потащил из кобуры кольт. Взял курок. Спросил тихим от бешенства голосом:

— Ты что творишь?

Командир подпрыгнул, развернулся. Молодой Койот вскинул автомат.

Раздался выстрел. Койот схватился за пробитое горло и рухнул. Стрелял Пустоброд хорошо. А главное знал, куда стрелять.

— Ты кто такой? — начал приходить в себя командир. — Ты кто такой, я спрашиваю?

Он потянулся к кобуре. Пустоброд демонстративно взвёл курок. Седой замер.

— Вас генерал Кросс этому учил? — всё так же тихо спросил Пустоброд. — Отвечай, паскуда!

Седой побледнел. Прищурился, взгляделся внимательно.

— Ты?!

— Я.

Снова грохнул выстрел. Женщина вскинула руки и завизжала.

— Тихо! — рявкнул Пустоброд. — Ты! — Он ткнул в мужика. — Обыщи их. Оружие, патроны. И уходим. Живо.

Мужик закивал. Подбежал к трупам, принялся неловко обыскивать.

— Да не так! — Пустоброд поморщился. — Вот тут, смотри. И автомат мне отдай.

Мужик подчинился. Спустя пару минут обыск был окончен.

— За мной!

Они спустились по лестнице, рысью пересекли салон. Пустоброд высунулся на улицу. Зыркнул по сторонам. На выстрелы никто не обратил внимания. Койоты увлечённо грабили захваченный город, но до дома ещё не дошли.

— По мосту. Быстрее!

Они побежали: впереди женщина с девочкой, за ними мужик. Следом, замыкая, Пустоброд.

Ботинки стучали по асфальту, автомат бился о хребет. Каждое мгновение в спину могла прилететь пуля. Пустоброд шкурой это чувствовал и подгонял:

— Быстрее! Быстрее!

Мужик задыхался, потел. Но не жаловался: бежал как миленький.

У входа на островок сбивался в кучу народ: мужики с ружьями, пара женщин. Бабы-то здесь что делают? Но думать было некогда.

— Пропустите!

— Ты кто...

— Беженцы мы! — взвизгнула женщина. — Пожалуйста! У нас ребёнок.

Мужики посторонились. Пропустили. Пустоброд промчался через деревушку, выскочил на северный мост.

Обрушился. Давно. Не пройти. Проклятье!

Он метнулся к берегу, где как раз стояли люди. И Мелисса. Они что-то горячо обсуждали.

— Дайте лодку, — подлетел к ним Пустоброд.

Мелисса смерила его взглядом.

— Мы не можем.

— Я прошу вас, — жалобно протянул спасённый Пустобродом мужик. — Мы заплатим. Деньги у меня есть.

— Дело не в деньгах, — вмешался стоящий рядом рыбак: высокий тощий негр. — Дело в лодках. Постараемся вывезти хоть кого-то. Начиная с детей.

Пустоброд дико озирался. До соседнего берега — футов шестьсот. Можно вплавь. Он-то доплывёт.

Кто-то вцепился ему в штанину. Девчонка. На глазах у которой чуть не убили отца. И едва не изнасиловали мать.

Смотрит молча, исподлобья. В руках — плюшевый мишка. Самое дорогое из дома взяла. Дурёха.

Пустоброд взвыл. Схватил рыбака за грудки, затряс.

— Они уже идут! — проорал он. — Дайте лодку. За любые деньги!

Вокруг угрожающе загомонили. Рыбак вырвался, отскочил.

— О себе только думаешь, — прошипел он. — А остальные? Лодку нужно будет вернуть, это время. А если ты через весь залив плыть вздумаешь? Где её потом искать?

На берег тем временем приводили детей. Они жались к взрослым, смотрели испуганно и с надеждой. Точь-в-точь как смотрела на Пустоброда девчонка.

Твою же, в бога, в душу!

Громко зазвенел набат. Кто-то крикнул: «Идут! Сюда идут!»

Народ задёргался, потянулся к южному входу. Пустоброд переглянулся с папой девочки.

— Тебя как звать?

— Джеймс. Капитан Джеймс.

— Оружие в руках держал, капитан Джеймс?

— Приходилось.

Пустоброд молча протянул ему кольт. Перекинул из-за спины автомат. Кивнул девочке:

— Всё будет хорошо.

И со всех ног рванулся обратно.

По мосту шли. Отряд, человек двадцать Койотов. Впереди: командир. Плечистый, с длинными светлыми волосами, сплетёнными в косички. Автомат несёт небрежно, перед собой. Грогнак-варвар, мать его. Комиксов начитался.

Протолкнувшись через толпу, рядом с Пустобродом встала Мелисса. В руках она держала обрез из старой охотничьей двустволки.

— Ну что, по-хорошему будем, или по-плохому? — осведомился, подходя, командир.

Он остановился в десяти шагах. За ним подтягивались остальные — растянулись по мосту, лениво, без спешки. Взяли на прицел толпу.

Мелисса вышла вперёд. Обрез она держала стволами вниз — но уверенно, привычно.

— Проваливайте, — сказала она. Голос ровный, будто в порту торгуется за партию трески. — Здесь вам нечего брать. Здесь рыбацкая деревня.

Пустоброд покосился через плечо. Человек сорок, может больше. Мужчины, женщины, старики и старухи. Вооружены кто чем, один мужик сжимал в руках якорную цепь. Лица серые, челюсти сжаты. Боятся. Но пойдут до конца.

— Ребята, — сказал командир терпеливо. — Харбора больше нет. Защищать вас некому. Отдайте, что есть, и, может, разойдёмся.

— И без Харбора справимся, — раздался из толпы голос. — Переживём.

Кто-то нервно хохотнул. Кто-то передёрнул затвор. Командир перестал улыбаться.

Следом за Койотами по мосту подъехал армейский джип с пулемётом. Такой же был у Коннора. А может, это и есть джип Коннора.

— Что, твари? — ощерился командир. — Крутых из себя строите?

Он отошёл, махнул джипу. Ствол пулемёта развернулся, упёрся прямо в людей.

— Считаю до трёх, — равнодушно сказал командир. — Раз...

Пустоброд сунул руку во внутренний карман. Нащупал рукоять, сдвинул рычажок.

«Нельзя, — билась в башке мысль. — Это на чёрный день!»

А сейчас какой? Светлый?

— Два...

Нужно остановить их. Выиграть время. И рвать когти через залив на север, к Краун-Пойнт. Каждый сам за себя.

— Т...

Пустоброд выхватил оружие. Нажал на спуск. А дальше...

Мост вспыхнул бледным пламенем. Весь, вместе с асфальтом.

Джип полыхнул мгновением позже — от капота до турели. Затрещал, как попкорном, разрывающимися от жара патронами. Зачадил резиной, краской и топливом.

Койоты орали, сгорая как спички. Джип взревел — водила жал на газ, не понимая уже ничего. Машина дёрнулась, вскарабкалась на ограждение передними колёсами. Секунда — и она опрокинулась вниз.

Зашипело. Забулькало. Рванулся вверх столб пара. И наступила тишина.

Толпа отхлынула. Кто-то охнул.

— Это что? — тихо спросила Мелисса.

— Лазерник. Берёг для особого случая.

— Лазерник?

— Надо бежать, — перебил Пустоброд.

Он смотрел на противоположный берег. Койоты засуетились, забегали.

— В лодку! Быстро! — Он обернулся. Схватил за руку спасённую девчонку. Поташил.

— Как зовут?

— Лили.

— Всё будет хорошо. Дорогу. Дорогу!

Он вылетел на берег. Схватил лодку. Ему попытались помешать, но он выхватил лазерник.

— Пропустите девчонку. Я вернусь. Даю слово.

Чёрта с два он вернётся. Гори оно всё огнём. И лишняя лодка никого не спасёт. Слишком поздно.

Он вытолкал посудину на воду. Налёг на вёсла. Рядом, пыхтя, грёб капитан Джеймс.

Мать с девчонкой сидели на носу. Лежащий на севере Краун-Пойнт стремительно приближался. Ещё немножко... чуть-чуть...

Но не вышло. Не судьба.

На берегу терпеливо поджидали Койоты. Стоят вразвалочку, автоматы на плечах. Лыбятся. Кивают.

Успели, твари. Объехали. А может, заранее там встали. На случай, если кто побежит.

Один из Койотов опустил автомат. Прицелился небрежно, дал короткую очередь. На воде заплясали фонтанчики. Мария взвизгнула, прикрывая собой дочь.

— Сделайте что-нибудь!

Что тут сделаешь? Не разворачиваться же. Пустоброд заскрипел зубами, поднажал. Пока те, на берегу, не передумали.

Под днищем зашуршал песок, лодка ткнулась в берег и замерла. Пустоброда схватили, рванули с лавки, врезали под дых — хорошо, качественно. Повалили на землю и обыскали, уже второй раз за этот проклятый день. Поставили на ноги.

— Пош-щёл!

Их затолкали в джип. Хлопнули дверью. Тронулись, подпрыгивая по неровной дороге.

Мимо поплыли руины Краун-Пойнта. Одноэтажные домики, лужайки, школа. Неплохой райончик. Был. Пока не случились Три дня.

Они вернулись в Харбор. Проехали по разорённой площади, мимо набитых наживой и рабами грузовиков. Грузовики были харборские, те самые «федералы». Пустоброд искал взглядом Коннора, но его нигде не было видно.

Дальше был мост. Джип ехал небыстро, словно глумился. Пустоброд старался не встречаться глазами с Джеймсом и его семьёй. Спаситель, твою мать... «Всё будет хорошо»!

На въезде в Хоуп валялись тела. Много тел. Джип проехал прямо по ним. Кабину лениво потряхивало.

— Закрой ей глаза! — рявкнул Пустоброд.

Мария спохватилась, закрыла личико дочки ладонью. Девочка не сопротивлялась. Не в этот раз.

Кругом полыхали хибары, кто-то истошно кричал. Обозлённые рейдеры прошли сквозь рыбаков, как горячий нож сквозь масло. Шансов у деревни не было. Даже одного на миллион.

Свернули на восточный берег. Выехали, остановились, хрустя галькой. Впереди большим полукругом стояли Койоты. И хоуповцы, пара дюжин.

Всего лишь пара дюжин...

— Выходи, — обернулся водитель. — Приехали.

Пустоброд вылез. Огляделся. Увидел Мелиссу: у камня, рядом с кучкой детей. Грязная, перемазанная кровью. Бледная как смерть.

Но живая.

А в центре стоял он: широкоплечий, крепкий, в выцветшей полевой форме. Широкие скулы, тяжёлая челюсть, прямой нос с горбинкой. На загорелом обветренном лице — холодные глаза. И шрам — глубокий, застарелый, во всю правую щеку.

Пятнадцать лет Пустоброд не видел этого шрама. И ещё столько бы не видеть.

Вообще бы не видеть!

Человек повернулся к нему. Осмотрел — медленно, с ног до головы. Широкий рот разъехался в подобие улыбки.

— Ну здравствуй, Эрик. Давно не виделись. Брат.

— Брат? — вскинулась Мелисса. — Какой ещё брат?!

В неё ткнули стволом. Джеремайя покосился на девушку — мельком, без интереса. Ему передали лазерник. Джеремайя повертел его в руках.

— Почти всё потратил. — Он посмотрел на индикатор заряда. — Своих пожёг. Как так? Тебе отец его для этого дарил?

— Вы мне не свои, — процедил Пустоброд. — Отец запрещал грабить. Запрещал торговать рабами. Забыли?

Он обвёл взглядом Койотов. Молодые, многих он не узнавал. Кто-то смотрел в ответ — нагло и с вызовом. Кто-то не выдержал, стушевался. Особенно те, кто постарше.

Джеремайя это заметил. Нахмурился. Выпятил челюсть, швырнул оружие к ногам Пустоброда.

— Забирай. Мне не нужен. А про законы — не тебе говорить. Ты сбежал. Я остался. Теперь я решаю.

— Я ушёл, потому что ты поднял бунт, — тихо сказал Пустоброд. — Я не хотел, чтобы люди резали друг друга.

— Ты сбежал, потому что трус, — перебил Джеремайя. — Ты и сейчас сбежал. Снова.

— Чего ты хочешь?

Джеремайя ответил не сразу. Отошёл на шаг, окинул взглядом согнанных к берегу хоуповцев. Задумчиво, как хозяин, осматривающий скот.

— Я тебя искал, — сказал он наконец. — Думал, не найду. А ты вон где.

Он подошёл ближе. Тронул ворот плаща. Провёл пальцем по ткани — медленно, бережно.

— Отцовский, — сказал он тихо. — Всё ещё таскаешь.

Он хмыкнул. Повернулся к своим.

— Я мог его убить. Но это мой брат. Отец учил: братьев не убивают. Не все помнят. Я помню.

Последнее он бросил в сторону Пустоброда.

— Отпустите его. И девку. И вот этих. — Джеремайя кивнул на капитана Джеймса с семьёй. — А ты иди, брат. Живи. За остальных не переживай. Я о них позабочусь. Отдельно.

«Отдельно». Пустоброд побледнел. Он знал, что это значит.

Он открыл рот. Хотел что-то сказать. Но его опередила Мелисса.

— Они ни в чём не виноваты! — крикнула, рванулась она вперёд.

Её оттащили, но она продолжала кричать. По разорванному рукаву потекла струйка крови, закапала на песок.

— Разбирайся с ним сам! При чём тут мы? Оставь нас в покое!

— Могу и оставить, — спокойно сказал Джеремайя. — Почему нет?

Он наклонился, поднял с земли лазерник. Бережно его отряхнул и, пристально глядя, вложил в руку Пустоброда.

— Убей её. Оставшимся зарядом. — Он кивнул на Мелиссу. — Сожги, как сжёг наших, и я всех отпущу. Кровь за кровь. Тогда честно. Даю слово.

Пустоброд стиснул потной ладонью рукоятку. Глянул на рыжую.

Секунда. Вторая. Третья.

— Что ты стоишь? — выпалила Мелисса. — Давай! Ну!

Она отошла подальше, встала у кромки воды. И смотрела... Страшно она смотрела.

Сердце колотилось, в голове царил хаос. Сволочь. Тварь. Он всегда был таким. Не отпустит. А может, отпустит. Какая разница. Какая, к чёрту, разница?!

Казалось, прошла вечность. Потом кто-то взял его за руку, вынул лазерник, вложил в карман плаща. Пустоброд повернулся. Джеремайя. Улыбается. Смахнул с плаща несуществующую пылинку. Сделал знак своим.

— Не надо! — прохрипела Мелисса. — Отдай ему! Пусть стреляет!

Джеремайя не ответил, лишь небрежно махнул рукой. Пустоброда с Мелиссой схватили. Потащили прочь. Швырнули в машину.

Пустоброд не сопротивлялся. Молчал. Он-то знал, что будет дальше.

«Отдельно».

Джип завёлся, рванул прочь с пляжа. Их вывезли из города на трассу — там, где сходились идущая на восток Восьмая и «Пятёрка». Высадили, сунув в руки рюкзак и пару фляг воды.

— Бывайте, — мрачно сказал водитель. — И молитесь богу, чтобы мы больше не встретились.

Он сплюнул на асфальт и шарахнул дверью. Джип заурчал. Развернулся. Уехал, обдав напоследок вонючим выхлопом. Скрылся за поворотом.

— Надо идти, — сказал Пустоброд. — Надо...

Он недоговорил. Мелисса тихонько охнула. Вцепилась ему в локоть. И принялась медленно оседать на асфальт.

